

НАЙО МАРШ

УБИЙСТВО ПОД
АККОМПАНЕМЕНТ

Часть сборника: Убийство под аккомпанемент. Маэстро, вы – убийца!

Родерик Аллейн

Найо Марш

Убийство под аккомпанемент

«АСТ»

1949

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Марш Н.

Убийство под аккомпанемент / Н. Марш — «АСТ»,
1949 — (Родерик Аллейн)

ISBN 978-5-271-43125-8

Знаменитого джазмена Карлоса Риверу застрелили прямо во время концерта. И так случилось, что инспектор Родерик Аллейн находился во время совершения преступления среди зрителей! Но кто же убийца? Лорд Пастерн-и-Бэгготт, сделавший все для раскрутки джаз-бэнда Карлоса, а взамен получивший только черную неблагодарность? Суровая супруга лорда, леди Сесиль, обнаружившая, что Ривера крутит роман с ее дочерью, красавицей Фелиситэ? Или кто-то еще из множества недругов и завистников прославленного музыканта?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-271-43125-8

© Марш Н., 1949
© АСТ, 1949

Содержание

Действующие лица	6
Глава 1	7
Глава 2	11
I	11
II	14
III	17
IV	20
Глава 3	22
I	22
II	27
III	30
Глава 4	36
I	36
II	39
III	41
IV	44
V	48
Глава 5	49
I	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Найо Марш

Убийство под аккомпанемент

Ngaio Marsh
SWING, BROTHER, SWING

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств Aitken Alexander Associates Ltd. и The Van Lear Agency.

Серия «Золотой век английского детектива»

© Ngaio Marsh Ltd, 1938, 1949

© Перевод. А. В. Санин, 2010

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Бет, которая о том просила и теперь получает с любовью

Действующие лица

Лорд Пастерн-и-Бэготт

Леди Пастерн-и-Бэготт

Фелиситэ де Суз – ее дочь

Достопочтенный¹ Эдвард Мэнкс – двоюродный кузен лорда Пастерна

Карлайл Уэйн – племянница лорда Пастерна

Мисс Хендерсон – компаньонка-секретарша леди Пастерн

Слуги в особняке на Дьюкс-Гейт:

Спенс

Мисс Паркер

Мэри

Миртл

Гортанз

Уильям Дюпон

Оркестр «Морри Морено и его Мальчики»:

Морри Морено

Хэппи Харт – пианист

Сидни Скелтон – барабанщик

Карлос Ривера – аккордеонист

Цезарь Бонн – управляющий ночным клубом в «Метрономе»

Дэвид Хэн – его секретарь

Найджел Батгейт – журналист «Ивнинг кроникл»

Доктор Оллингтон

Миссис Родерик Аллейн

Уголовно-следственный отдел Нового Скотленд-Ярда:

Старший инспектор Аллейн

Инспектор Фокс

Доктор Кертис

Сержант Бейли – дактилоскопист

Сержант Томпсон – фотограф

Сержанты Гибсон, Маркс, Скотт, Уотсон и Солис

Прочие полицейские, официанты, оркестранты и т. д.

¹ В Англии титул детей сановников и пэров. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Глава 1

Письма

*От леди Пастерн-и-Бэготт
племяннице ее мужа мисс Карлайл Уэйн
3, Дьюкс-Гейт
Итон-плейс
Лондон, ЮЗ1*

«Дражайшая Карлайл!

Мне было сообщено – в лишенной логики манере, характерной для высказываний твоего дяди, – о твоём возвращении в Англию. Добро пожаловать домой. Возможно, тебе будет интересно узнать, что я воссоединилась с твоим дядей. Побудила меня целесообразность. Твой дядя намеревается передать поместье Глоучмер государству и потому вернулся на Дьюкс-Гейт, где, как ты, вероятно, слышала, я живу вот уже пять лет. В послевоенные годы мне пришлось жить под его крышей с членами одной эзотерической центрально-европейской секты. Твой дядя даровал им – как выразились бы в колониях – право проживания, надеясь, без сомнения, вынудить меня вернуться на Кромвель-роуд или под кров моей сестры Дезирэ, с которой мы ссорились всю жизнь.

Прочие иммигранты-населенники были возвращены в соответствующие страны, но секта осталась. О характере ее можно составить достаточное представление по тому, что они умудрились перенести в бальный зал несколько валунов, что их церемонии начинались в полночь и проводились с антифонными криками, что положения их веры как будто воспрещали пользоваться водой и мылом, равно как и остригать волосы. Полгода назад они отбыли в Центральную Европу (я никогда не осведомлялась, куда именно), и я осталась полноправной хозяйкой особняка. Приказав его вымыть и выскоблить, я приготовилась к безмятежной жизни, но вообрази мое разочарование! Безмятежность оказалась невыносимой. Сдается, я приспособилась к гвалту и столпотворению по ночам. Я привыкла встречать на лестнице личности, более всего подходящие на роль грязных мелких пророков. Я уже не могла выносить тишину и ненавязчивое присутствие слуг. Коротко говоря, мне стало одиноко. А в одиночестве размышляешь над собственными ошибками. И я задумалась о твоём дяде. Неужели непостижимое способно наскучить? Сомневаюсь. Когда я вышла замуж за твоего дядю (ты, думаю, помнишь, что он тогда был атташе вашего посольства в Париже и частым гостем в доме моих родителей), я уже была вдовой, а потому не *jeune fille*². Я не требовала рая на земле, но в равной мере не предвидела абсурдных нелепиц. Предполагается, что по прошествии некоторого времени от супруга уже не ожидаешь невозможного. Если он держится осмотрительно, остаешься в неведении. И тем лучше. Можешь примириться. Но твой дядя не знаком с тактом или с осмотрительностью. Напротив, будь налицо интимные связи, о которых я, думается, намекнула, мне немедленно стало бы о них известно. Однако вместо второй или третьей *demi monde*³ мне пришлось иметь дело с – в порядке очередности – Цитаделями Армии спасения, приютами для индийских йогов, шабашами для изучения ритуалов вуду, короче – с тысячью и одной пустой и смехотворной навязчивой идеей. С ужасающей виртуозностью твой дядя обращался от учения христодельфийцев к практикованию нудизма. Его выходки, учитывая его почтенный возраст, становились все более возмутительными. Удовольствуйся он тем, что сам разыгрывает шута

² Девочка (*фр.*).

³ Дама полусвета (*исп.*).

на потеху толпе, и оставь меня сокрушаться за него, я, вероятно, сумела бы смириться. Но нет, он потребовал моего участия.

Возьмем хотя бы историю с нудизмом. Вообрази, мне, урожденной де Футо, было предложено прогуляться в костюме Евы за лавровыми изгородями посреди Кентской пустоши. В таких обстоятельствах и после такого афронта я оставила твоего дядю в первый раз. Впоследствии и через разные промежутки времени я несколько раз возвращалась, но опять и опять меня отталкивали все новые маразматические причуды. Умолчу о его характере, о его страсти закатывать сцены, скажу лишь о его мелких, но угнетающих чудачествах. Последние, увы, стали достоянием гласности.

Тем не менее, моя дорогая Карлайл, как я уже писала, мы снова вместе на Дьюкс-Гейт. Я решила, что тишина стала невыносимой и что мне придется искать квартиру. И едва я приняла такое решение, доставили письмо от твоего дяди. Теперь он как будто заинтересовался музыкой и затесался в оркестр, в котором выступает на ударных инструментах. Он пожелал использовать большой бальный зал для репетиций, коротко говоря, он предлагал воссоединиться со мной на Дьюкс-Гейт. Я привязана к этому дому. Где твой дядя, там и шум, а шум стал для меня необходимостью. Я снизошла до согласия.

Также у меня поселилась Фелиситэ. С сожалением пишу, что она глубоко меня тревожит. Если бы твой дядя хотя бы в какой-то мере сознавал свой долг отчима, он, возможно, оказал бы какое-то влияние. Он же, напротив, игнорирует происходящее или относится снисходительно к привязанности, столь нежелательной, что я, мать, не могу заставить себя писать о ней более подробно. Могу только уповать, дражайшая Карлайл, что ты найдешь время навещать нас. Фелиситэ всегда уважала твои суждения. Серьезнейше надеюсь, что ты приедешь к нам в первый уик-энд следующего месяца. Твой дядя, полагаю, намерен сам тебе написать. Присоединяюсь к его просьбе. Какой отрадой будет снова увидеть тебя, моя милая Карлайл! Мне не терпится поговорить с тобой.

Твоя любящая тетя

Сесиль де Футо леди Пастерн-и-Бэготт».

*От лорда Пастерн-и-Бэготт
его племяннице мисс Карлайл Уэйн
3, Дьюкс-Гейт
Итон-плейс
Лондон, ЮЗ1*

«Дорогая Лайл!
Слышал, что ты вернулась. Твоя тетя сказала, что просила тебя навещать нас. Приезжай третьего, и мы побалуем тебя музычкой.
Твоя тетя снова живет со мной.
Твой любящий дядя
ДЖОРДЖ».

*Выдержка из «Руки помощи», рубрики НФД
в «Гармонии»*

«Дорогой НФД!
Мне восемнадцать, и я неофициально обручена. Мой жених безумно ревнив, и его поведение представляется более чем странным и внушает страшную тревогу. Подробности прилагаю в отдельном конверте, поскольку он все-таки может это прочесть, и тогда такое начнется...

Прилагаю также пять шиллингов за особое ответное письмо «Разговор по душам». Пожалуйста, помоги.
ТУТС.

«Несчастное Дитя!

Позволь помочь тебе, если сумею. Помни, я говорю как мужчина, что, возможно, к лучшему, поскольку только мужской ум способен понять то странное самоистязание, что омрачает любовь к тебе твоего жениха и причиняет тебе столько горя. Поверь, есть только один путь. Ты должна проявить терпение. Ты должна доказать свою любовь открытой искренностью. Не уставай заверять его, что его подозрения беспочвенны. Оставайся безмятежной. Продолжай любить его. Испробуй толику подтрунивания, но если это не принесет плодов, перестань поддразнивать. Никогда не давай ему понять, что ты раздражена. Есть натуры столь тонкие и чувствительные, что обращаться с ними следует как с цветами. Им требуется солнце. За ними нужно ухаживать. Иначе их духовный рост прервется. Твой «Разговор по душам» придет к тебе завтра».

Примечание к колонке НФД: НФД напишет вам особое личное письмо, по получении почтовым переводом суммы в пять шиллингов на «Разговор по душам», «Гармония», 5, Мейтерфэмилес-лейн, ВЦ2.

*От мисс Карлайл Уэйн мисс Фелиситэ де Суз
Фрайерс-Пардон
Бэнем
Букс*

«Дорогая Фэ!

Я получила довольно странное письмо от тети Силь, которая хочет, чтобы я приехала третьего. Что ты затеяла?

С любовью

Лайл».

*От distinguished Эдварда Мэнкса
мисс Карлайл Уэйн
Харроу-Флэтс
Слоун-сквер
Лондон, ЮЗ1*

«Дорогая Лайл!

Кузина Сесиль сказала, ты приглашена на Дьюкс-Гейт на уик-энд, в субботу, третьего. Я заеду за тобой в Бэнем. Ты знаешь, что она хочет женить меня на Фелиситэ? Сам я не слишком этого жажду, и, по счастью, Фелиситэ тоже. Она по уши влюблена в одного сомнительного типа, который играет на аккордеоне в оркестре дяди Джорджа. Надо думать, на горизонте полномасштабный скандал а cause⁴, как сказала бы кузина Сесиль, оркестра и в особенности сомнительного типа, которого зовут Карлос как-то там. В нашей

⁴ По причине (фр.).

семье на полпути не останавливаются. Зачем ты уехала в чужие края? Я приеду около пяти в субботу.

С любовью

Нед».

В рубрике светской хроники «Монограм»

«По слухам, выступление лорда Пастерн-и-Бэготта, ярого сторонника буги-вуги, вскоре можно будет услышать в некоем ресторане «неподалеку от Пиккадилли». Лорд Пастерн-и-Бэготт, который, разумеется, женат на мадам де Суз (урожденной де Футо), с огромным пылом играет на барабанной установке. Он почитит своим участием оркестр, прославившийся такими известными исполнителями, как Карлос Ривера, и выступающий под руководством не кого иного, как непревзойденного Морри Морено, оба из «Метронома». Кстати, на днях очаровательную мисс Фелиситэ (Фэ) де Суз, дочь леди Пастерн-и-Бэготт от первого брака, видели за завтраком *a deux*⁵ в «Тармаке» с distinguished Эдвардом Мэнксом, который приходится ей двоюродным кузеном со стороны отчима».

От Карлоса Риверы мисс Фелиситэ де Суз

102, Бедфорд-Мэншинс

Остерли-сквер

Лондон, ЮЗ1

«Слушай, Чаровница!

Ты не можешь так со мной поступать. Я не английский distinguished То или лорд Се, чтобы сидеть смирно, пока моя женщина выставляет меня дураком. Нет уж. Со мной все или ничего. Я отпрыск древнего рода. Я не пускаю на мою территорию чужих, и я устал. Я очень и очень устал ждать. Больше я ждать не буду. Ты немедленно объявишь о нашей помолвке, или... финито! Понятно? Адье.

Карлос да Ривера».

Телеграмма от мисс Фелиситэ де Суз

мисс Карлайл Уэйн

«Дорогая всего святого приезжай слишком сложно и странно честное слово приезжай истинный *сi de coeur*⁶ уйма любви дорогая Фэ».

Телеграмма от мисс Карлайл Уэйн

леди Пастерн-и-Бэготт

«Большое спасибо рада буду приехать шести субботу 3-го Карлайл».

⁵ На двоих (*фр.*).

⁶ Крик души (*фр.*).

Глава 2

Действующие лица собираются

I

Ровно в одиннадцать часов утра НФД вошел через черный ход в редакцию «Гармонии», расположенную по адресу Мейтерфэмилес-лейн, 5, ВЦ2, и, миновав коридор, поспешно юркнул в собственный отдельный кабинет. На двери белыми буквами значилось «НЕ ВХОДИТЬ, НФД». Он развязал шарф, которым тщательно укрывал рот и нос от тумана, и вместе с фетровой шляпой и пальто повесил его на крючок позади стола. Затем, надев очки с зелеными стеклами, задвинул на двери засов, отчего снаружи табличка на двери сменилась на «ЗАНЯТО».

Газ в камине горел жарко, и от жестяного блюда с водой, поставленного перед ним, чтобы увлажнять воздух, вился пар. Снаружи окно было залеплено туманом – словно бы желтый полог опустился с той стороны стекла. Шаги прохожих казались совсем близкими, но невнятными, слышались приглушенный кашель и сдавленные голоса, какие и можно ожидать с узкой улочки туманным утром. НФД потер руки и, напевая себе под нос бравурную мелодию, уселся за стол и включил лампу под зеленым абажуром.

«Уютно», – с удовольствием подумал он. Свет играл в зеленых очках на столе – их он заменил на очки для чтения.

– Один, два, застегни сапожок, – пропел НФД пронзительным фальцетом и подтянул к себе проволочную корзинку с нераспечатанными письмами. – Три, четыре, постучи в калитку, – смешно пустил он петуха и вскрыл верхнее.

На стол выпала квитанция о почтовом переводе на пять шиллингов.

«Дорогой НФД!

Мне кажется, я просто должна написать Вам и поблагодарить за отпадный «Разговор по душам», а он, должна признать, потряс меня до глубины души. Вы не могли бы с большим правом называть себя Наставником, Философом и Другом, правда, не могли бы. Я столько думала о том, что Вы мне написали, и меня мучит страшное любопытство, а какой же Вы в жизни. То есть если Вас увидеть и послушать. Думаю, голос у Вас довольно низкий («Вот идиотка», – пробормотал НФД), и уверена, вы высокого роста. Хотелось бы мне...»

Он нетерпеливо пробежал следующие две страницы и задержался на заключительной части: «Я дико пыталась следовать Вашему совету, но мой молодой человек – это что-то! Не могу не думать, как меня подбодрил бы разговор с вами. То есть не «по душам» разговор, а с глазу на глаз. Но полагаю, это безнадежно запрещено, поэтому сойдет и еще на пятерку «Разговора по душам». С той же размашистостью, с какой бежали по страницам слова, НФД один за другим бросал листки во вторую плетеную корзинку. Ну вот, слава богу, и конец.

«Полагаю, он дико приревновал бы, если бы узнал, что я Вам так запросто написала, но я чувствовала, что просто должна.

С благодарностью Ваша

Тутс».

Подтянув к себе блокнот, НФД с мгновение доброжелательно и рассеянно взирал на залепленное туманом окно, а после взялся за работу. Писал он бегло, вздыхая и бормоча себе под нос.

«Разумеется, я счастлив, – начал он, – что сумел помочь...» Фразы привычно бегло текли из-под его карандаша. «Относитесь к НФД как к дружелюбному призраку... пишите еще, если пожелаете... более обычного заинтересован... всяческой удачи и мое благословение...» Закончив, он приколот почтовую квитанцию к верхнему листу и все вместе переправил в третью корзину, обозначенную «Разговор по душам».

Следующее письмо было написано твердой рукой на хорошей писчей бумаге. Разглядывая его, НФД склонил голову набок и даже присвистнул сквозь зубы.

«Пишущей Вам исполнилось пятьдесят лет, и недавно она согласилась воссоединиться с мужем, который на год ее старше. Он эксцентричен до умопомешательства, но, разумеется, не подлежит медицинскому освидетельствованию. В настоящее время назревает семейный кризис, в котором он отказывается встать на единственный возможный путь, совместимый с его долгом отчима. Одним словом, моя дочь подумывает о браке, со всех точек зрения, помимо безрассудной влюбленности, катастрофическом. Если требуются дальнейшие подробности, я готова их предоставить, но, думаю, прилагаемые вырезки из газет за шестнадцатилетний период говорят сами за себя. Я не желаю публикации этого сообщения, но прилагаю почтовый перевод на пять шиллингов, которым, насколько я поняла, оплачивается письмо с личным советом.

Остаюсь и т. д.

Сесиль де Футо Пастерн-и-Бэготт».

Решительно отбросив письмо, НФД перешел к пачке газетных вырезок. «НА ПЭРА АНГЛИИ ПОДАН ИСК ЗА ПОХИЩЕНИЕ ПАДЧЕРИЦЫ», – прочел он. «ПЭР ПРАКТИКУЕТ НУДИЗМ». «СЦЕНА В ЗАЛЕ СУДА МЕЙФЭР». «ОПЯТЬ ЛОРД ПАСТЕРН». «ЛЕДИ ПАСТЕРН-И-БЭГОТТ ПОДАЕТ НА РАЗВОД». «ПЭР ПРОПОВЕДУЕТ СВОБОДНУЮ ЛЮБОВЬ». «ПОРИЦАНИЕ СУДЬИ». «ЛОРД ПАСТЕРН ПОДАЛСЯ В ЙОГИ». «ПЭР БУГИ-ВУГИ». «БЕСКОНЕЧНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ».

НФД проглядел колонки под этими заголовками и, раздраженно фыркнув, начал писать воистину быстро. Он все еще был занят этим, когда, глянув на слепое окно, увидел, как из тумана, словно в полупроявленном негативе, выступают очертания чьего-то плеча. За ним последовал белый овал лица, чья-то ладонь распласталась по стеклу, а после сжалась, чтобы дважды стукнуть. Отперев дверь, НФД вернулся за свой стол. Минуту спустя в коридоре раздались шаги кашляющего от прогулки в тумане посетителя.

– Entrez!⁷ – крикнул НФД раздраженно, и посетитель вошел в комнату.

– Простите, что вам докучаю, – сказал он. – Я решил, что сегодня утром вы будете на месте. Дело в ежемесячной подписке в пользу фонда помощи. Нужна ваша подпись на чеке.

Развернувшись вместе с креслом, НФД молча протянул ему письмо леди Пастерн. Взяв листок, посетитель присвистнул, прочел и расхохотался.

– Вот это да! – вырвалось у него. – Вот это да, право слово!

– И еще вырезки из газет, – сказал НФД, протягивая стопку.

– Она, верно, в жутком состоянии! Но чтобы до такого дошло!

– Будь я проклят, но не понимаю, о чем вы.

– Простите. Конечно, никаких причин нет, но... Вы ответили?

– Колко.

– Можно взглянуть?

– Бога ради. Вот. Дайте мне чек.

⁷ Войдите! (фр.)

Посетитель наклонился над столом, одновременно читая ответное письмо и на шаривая в нагрудном кармане бумажник. Он нашел чек и, не отрывая взгляда от страниц, положил его на стол. Только раз он поднял глаза и уже собрался было заговорить, но НФД был поглощен чеком, поэтому просто дочитал до конца.

– Сильно, – только и сказал он.

– Вот чек, – отозвался НФД.

– Спасибо.

Подпись на чеке была выведена мелкими, жирными и невероятно аккуратными буквами: «Н. Ф. Друг».

– Вам никогда не надоедает? – спросил вдруг гость, указывая на проволочную корзинку.

– Уйма интересного. Уйма разнообразия.

– Однажды вы можете заработать себе на голову чертовские неприятности. Это письмо, к примеру...

– Ха, чепуха, – бодро ответил НФД.

II

– Слушайте, – сказал Морри Морено, оглядывая свой оркестр. – Слушайте, мальчики, я знаю, играет он жутко, но ведь раз от раза все лучше. И будет вам, что с того, что он жутко играет? Сколько раз я вам говорил, важно-то вот что: он Джордж Сеттиньер, маркиз Пастерни-и-Бэготт, а для газет и шумихи – так просто гвоздь сезона. Да у газет и прочих снобов он так нарасхват, что все прочие воротилы из кожи вон лезут, кто первым поставит ему выпивку.

– И что с того? – сердито спросил барабанщик.

– «Что с того»?! Сам себя спроси что. Слушай, Сид, ты в «Мальчиках» остаешься во-первых, во-вторых и до самого конца. Я плачу тебе по полной, как если бы ты играл по полной.

– Не в том дело, – возразил барабанщик. – А в том, что я буду выглядеть глупо, когда сойду посреди программы на гала-представлении. Я! Прямо тебе говорю, мне это не нравится.

– Ну послушай, Сид, послушай, мой мальчик. Ты ведь в афише, верно? Что я для тебя сделаю? Я же дам тебе собственный сольный номер. Я же вызову тебя к себе, к рампе, чтобы у тебя был звездный час, так ведь? Такого я ни для кого, мой мальчик, не устраивал. Это хорошо, так ведь? А когда перед тобой твой звездный час, стоит ли волноваться, что какому-то старикану захотелось выкладываться в твоём углу? Ну и что, что субботним вечером, так ведь всего полчаса.

– Напоминаю, – вмешался мистер Карлос Ривера, – что ты говоришь о джентльмене, который скоро станет моим тестем.

– Ладненько, ладненько, не кипятись, Карлос, не кипятись, мой мальчик! Вот так, вот так, – лопотал мистер Морено, сверкая своей прославленной улыбкой. – У нас все тип-топ. Все обсуждаемо, Карлос. Да ведь я и сам сказал, что раз от разу он играет все лучше. Он хорошо выступит. Конечно, куда ему до Сиды, такое и подумать смешно. Но хорошо выступит.

– Как скажешь, – буркнул пианист. – Но что там про его собственный номер?

Мистер Морено развел руками.

– Ну да, мальчики, ну да, вот как дельце обстоит. У лорда Пастерна появилась мыслишка. Маленькая такая мыслишка по поводу композиции, которую он сочинил.

– «Крутой малый, крутой ствол»? – бросил пианист и тенором пропел лейтмотив. – Тоже мне номер! – добавил он без выражения.

– Ну же, полегче, Хэппи, не заводись. Пустячок, который сочинил его светлость, станет настоящим хитом, когда мы его раскрutum.

– Как скажешь.

– Вот именно. Я сделал оркестровку, и довольно броскую. Теперь слушайте. Его мыслишка, если ее верно подать, ух какая. В своем роде. Похоже, лорд Пастерн забрал себе в голову, что с этой своей музыкальной штучкой далеко пойдет. Сами понимаете. Малость крути за барабанами, малость крути с тарелками и круто разряди шестизарядный.

– Го-о-споди помилуй!!! – лениво протянул барабанщик.

– Идея в том, что ты, Карлос, выходишь к самой рампе и наяриваешь как бешеный. Воздух жжешь. За грань зашкаливаешь.

Мистер Ривера провел ладонью по волосам.

– Прекрасно. А потом?

– Идея лорда Пастерна в том, что ты звезда, ты публику заводим, так на аккордеоне наяриваешь, чтобы чертям стало жарко, а на самом пике еще один прожектор высвечивает его. Он же сидит себе за барабанами в ковбойской шляпе, потом вдруг вскакивает, кричит «иппи-диии» и разряжает в тебя пистолет, а ты понарошку падаешь...

– Я тебе не акробат...

– Так или иначе, ты падаешь, а его светлость тогда задает жару, а потом мы переключаемся на марш «Похороны селедки» и свингуем во весь дух. Когда закончим, вы, мальчики, или кое-кто из официантов унесете Карлоса, но прежде я положу ему на грудь смешной такой веночек. Ну, – произнес, помолчав, мистер Морено. – Я не говорю, что идея чумовая, но может сработать. Это из рук вон, и потому вроде как неплохо.

– Ты говоришь, – спросил барабанщик, – что мы заканчиваем похоронным маршем? Я не ослышался?

– Сыгранным в манере Морри Морено, Сид, не забывай.

– Именно так он и сказал, мальчики, – вставил пианист. – Мы откланиваемся выносом трупа и приглушенной барабанной дробью. Заходите в «Метроном» на похоронный вечерок.

– Я решительно против, – возвестил вдруг мистер Ривера. Он грациозно встал. Костюм у него был голубино-серый, в довольно широкую розовую полосу, с подложными плечами невероятного размера. Общую картину дополняли бронзовый загар, волосы, которые, зачесанные ото лба и с ушей, лежали тугими набриолиненными барашками, безупречные зубы, крошечные усики и большие глаза навывкате. – Сама идея мне нравится, – продолжал он. – Она меня привлекает. Чуток жутковато, чуток странновато, но в целом что-то есть. Однако предлагаю маленькое изменение. Было бы гораздо лучше, если бы по завершении соло лорда Пастерна я выхватил пушку и застрелил его. Тогда его вынесут, а я всем покажу, что такое аккордеон. Так будет намного лучше.

– Послушай, Карлос...

– Повторяю, гораздо лучше.

Пианист подчеркнуто рассмеялся, и остальные хмыкнули.

– Предложи это лорду Пастерну, – посоветовал барабанщик. – Он же твой, черт побери, будущий тесть. Предложи, и посмотрим, что получится.

– Думаю, нам лучше сделать, как он говорит, Карлос, – сказал мистер Морено. – Правда лучше.

Мужчины стояли почти нос к носу. Выражение сердечности на лице мистера Морено было настолько привычным, что словно бы давно к нему приросло. Он вполне сошел бы за ловко сработанную куклу чревовещателя с бледным резиновым лицом, которое постоянно и непроизвольно складывалось в плутоватую гримасу. Невыразительные глазки с большими блеклыми радужками и огромными зрачками казались нарисованными. Куда бы он ни шел, когда бы ни открывал рот, его губы раздвигались, открывая зубы. Две глубокие бороздки прочертили пухлые щеки, кожа в уголках глаз собиралась складочками. Так час за часом он улыбался парам, которые медленно кружили мимо его пюпитра, улыбался и кланялся, и размахивал дирижерской палочкой, и снова раскачивался и улыбался. От таких усилий он обильно потел и иногда протирал лицо снежно-белым платком. А позади него каждый вечер его «Мальчики», облаченные в мягкие рубашки и подбитые ватином смокинги со стальными пуговицами-шипами и серебристыми клепками, напрягали мышцы и надували легкие, повинувшись нервическому подергиванию прославленной миниатюрной дирижерской палочки из черного дерева с хромированным кончиком, подаренной Морри одной титулованной дамой. «Мальчики Морри» вообще обильно использовали в «Метрономе» хром. Им поблескивали их инструменты, они носили наручные часы на хромо-вых браслетах, название оркестра сияло хромо-выми буквами на рояле, выкрашенном алюми-ниевой краской, чтобы походило на хром. Над головами у «Мальчиков» гигантский метроном, подсвеченный разноцветными лампочками, мерно раскачивал свою огромную стрелку с хромо-вым наконечником. «Хай-ди-ходи-о, – постанывал мистер Морено. – Гумп-глумп, джидди-идди, ходи-о-до». За это и за то, как он улыбался и раскланивался и управлялся со своим оркестром, правление «Метронома» платило ему сто фунтов в неделю, а уже из этой суммы он платил своим «Мальчикам». Его и «Мальчиков» – в расширенном составе – приглашали на благотворительные балы и иногда

на частные танцевальные вечеринки. «Отличная вышла вечеринка, – говорили тогда, – был и Морри Морено, и все такое!» В своем пруду он был крупной рыбой.

И «Мальчики» у него были не мелкая рыбешка, все как один профессионалы. Он подбирал их, не жалея трудов, а критерием служило умение поднимать омерзительный и исключительно сложный гвалт, известный как «Манера Морри Морено». Они выбирались за сексуальную привлекательность и выносливость. Морри говорил: «Чем больше нравишься, тем больше должен выдавать на-гора». Кое-каких музыкантов он мог бы заменить без больших проблем: второго и третьего саксофониста например, а еще малого за контрабасом, но пианист Хэппи Харт, барабанщик Сид Скелтон и аккордеонист Карлос Ривера были, как выражался Морри, «сливки, пальчики оближешь». И Морри сneidera постоянная тревога, что вдруг, еще до того, как публика пресытится Сидом или Карлосом, один из них или все разом могут озлиться или еще чего и уйти от него в «Короли свинга», к «Парням Перси» или к «Бони Фэннегену и его весельчакам». А потому со своими «сливками» он всегда обходился осторожно.

Вот и сейчас он осторожничал с Карлосом Риверой. Карлос был ох как хорош. Его аккордеон заводил публику, а когда объявят о его помолвке с Фелиситэ де Суз, это станет крутым трамплином для «Морри и Мальчиков». Таких, как Карлос, еще поискать.

– Будет тебе, Карлос, – лихорадочно уговаривал Морри. – Слушай, у меня есть идея. Ха! Как тебе это? Пусть-ка его светлость стреляет в тебя, как хотел, да только промажет. Понимаешь? Он делает удивленное лицо, опять в тебя целится, опять стреляет, и так несколько раз подряд, а ты в ус не дуешь, наяриваешь свое крутое соло, и всякий раз, когда он стреляет, кто-то другой из «Мальчиков» делает вид, что убит, и выдает фальшивую ноту. Ха! Скажем, каждая следующая будет пониже да потише, а? А ты только улыбаешься и раскланиваешься сардонически, а сам жив-здоровехонек? Как насчет такого, мальчики?

– Н-у-у, – критически протянули «Мальчики».

– Такое возможно, – снизошел мистер Ривера.

– А вдруг он так разойдется, что сам себя застрелит и его унесут с венком на груди?

– Если кто-то другой прежде до него не доберется, – буркнул барабанщик.

– Или он отдаст мне пушку, и я в него выстрелю, но в обойме будет пусто, а он тогда пусть играет свой номер, после чего упадет в обморок и его вынесут.

– Повторяю, – сказал Ривера, – тут мне видится шанс. Нам незачем ссориться по такому поводу. Возможно, я сам поговорю с лордом Пастерном.

– Отлично! – воскликнул Морри и поднял крохотную дирижерскую палочку. – Просто прекрасно. Давайте, мальчики. Чего мы ждем? У нас репетиция или что? Где этот новый номер? Отлично! По счету... Все счастливы? Чудненько. Поехали.

III

– Карлайл Уэйн, – говорил Эдвард Мэнкс, – было тридцать лет, но она сохранила что-то от сорванца-подростка – не в речи, разумеется, которая была безмятежной и уверенной, но во внешности и манерах. Движения у нее были быстрые, пожалуй, мальчишеские, но плавные. У нее были длинные ноги, тонкие кисти и красивое худое лицо. Одежда выбиралась разумно-мудро и носилась элегантно, но к туалетам она не прилагала особых стараний и казалась хорошо одетой скорее волей случая, чем длительных размышлений. Она любила путешествовать, но ненавидела осматривать достопримечательности и сохраняла воспоминания о незначительных мелочах отчетливые, как карандашные наброски: официант, группа матросов, женщина в книжном киоске. Названия улиц или даже городов, где были подмечены эти лица, зачастую забывались, по-настоящему ее интересовали только люди. На людей у нее был глаз острый, как игла, и она была весьма терпимой.

– Ее дальний кузен, почтенный Эдвард Мэнкс, – прервала Карлайл, – подвизался театральным критиком. Ему было тридцать семь, и внешность он имел романтическую, но не чрезмерно. Его профессиональная репутация задиры и грубияна усердно взращивалась, поскольку, хотя он и был обременен буйным темпераментом, по натуре своей был обходительного нрава.

– Ух ты! – отозвался Эдвард Мэнкс, поворачивая на Аксбридж-роуд.

– Он был немного сноб, но достаточно находчив, чтобы скрывать это обстоятельство под маской социальной неразборчивости. Он был холост...

– ...поскольку питал глубокое недоверие к тем женщинам, которые открыто им восхищались...

– ...и страх, что его отвергнут те, в ком он был не вполне уверен.

– А ты и впрямь остра, как игла, знаешь ли, – смутился Мэнкс.

– Возможно, как раз поэтому я тоже осталась незамужней.

– Ничуть не удивлен. И тем не менее часто задаюсь вопросом...

– Меня неизменно тянет к возмутительным типам.

– Слушай, Лайл, сколько нам было, когда мы придумали эту игру?

– Рассказывать бульварные повести? Не в том поезде, когда возвращались с первых каникул у дяди Джорджа? Он тогда еще не был женат, значит, больше шестнадцати лет назад. Фелиситэ было только два, когда тетя Сесиль за него вышла, а сейчас ей восемнадцать.

– Выходит, тогда. Помню, ты начала, сказав: «Жил-был очень самодовольный, вздорный мальчишка по имени Эдвард Мэнкс. Его престарелый кузен, престранный пэр...»

– Даже в те дни дядя Джордж был лучшей темой, верно?

– Господи, да! А помнишь...

Они стали пересказывать друг другу памятные обоим смешные случаи с лордом Пастерни-Бэгготтом. Они вспоминали его первую чудовищную ссору с супругой, внушительной французенкой большого самообладания, вышедшей за него вдовой с маленькой дочкой. Тогда, через три года после женитьбы, лорд Пастерн сделался приверженцем секты, практиковавшей крещение через полное погружение. Он хотел перекрестить падчерицу этим методом в застойной и заселенной угрями речушке, вяло протекавшей через его загородное поместье. Когда жена отказалась, он около месяца дулся, а затем, никого не предупредив, отплыл в Индию, где немедленно пал жертвой какой-то разновидности йоги, требовавшей самого болезненного и мучительного аскетизма. В Англию он вернулся, громогласно провозглашая, что все в мире есть иллюзия, а после тайком проник в детскую падчерицы, где попытался сложить младенческие членики в эзотеричные асаны, одновременно побуждая ребенка созерцать собственный

пуп и произносить «Ом». Осмелившаяся возражать няня была уволена лордом Пастерном и возвращена на место его супругой. Последовала ужасающая ссора.

– Знаешь, а моя мама там была, – сказала Карлайл. – Предполагалось, что она любимая сестра дяди Джорджа, но она ничего не могла поделать. Пока они с тетей Сесиль и няней держали возмущенный совет в будуаре, дядя Джордж по лестнице для слуг выбрался из дома с Фелиситэ на руках и отвез ее на своей машине за тридцать миль в какой-то пансион йогов. Маме с тетей Сесиль пришлось обратиться в полицию, чтобы их разыскать. Тетя Сесиль предъявила обвинение в похищении.

– Тогда кузен Джордж впервые попал в газетные заголовки, – заметил Эдвард.

– Во второй раз это была колония нудистов.

– Верно. А третий едва не привел к разводу.

– Меня тогда тут не было, – отозвалась Карлайл.

– Ты вечно куда-то уезжаешь. Посмотри на меня – усердный журналист, которому следовало бы вечно путешествовать по дальним странам, а уезжаешь как раз ты. Помнишь, кузен Джордж увлекся доктриной свободной любви и пригласил в Глочмер несколько довольно странных женщин. Кузина Сесиль тут же отбыла с Фелиситэ, которой тогда уже исполнилось двенадцать, на Дьюкс-Гейт и подала на развод. Но, как выяснилось, любовь кузена Джорджа свободна лишь в том смысле, что он бесплатно читал бесчисленные лекции своим гостям, а после приказывал идти с миром и жить, руководствуясь ими. Поэтому дело о разводе провалилось, но не раньше, чем адвокаты и судьи насладились целой оргией острот, а пресса не выбилась из сил.

– А тебе не кажется, Нед, – спросила вдруг Карлайл, – что это наследственное?

– Его чудачества? Нет, все остальные Сеттиньеры как будто более-менее в здравом уме. Нет, мне думается, кузен Джордж просто фигляр. Эдакий монстр в самом милом смысле слова.

– Ты меня утешил. В конце концов, я его единокровная племянница, если можно так выразиться. Ты-то только по боковой, по женской линии.

– Это снобистский укол, дорогая?

– Хорошо бы ты просветил меня о нынешнем положении дел. Я получила несколько очень странных писем и телеграмм. Что затеяла Фелиситэ? Ты собираешься на ней жениться?

– Да будь я проклят! – с некоторым жаром отозвался Эдвард. – Это все кузина Сесиль выдумала. Когда у меня из-под носа увели квартиру, она предложила мне поселиться в Дьюкс-Гейт. Я жил там три недели, пока не нашел новую, и, разумеется, иногда водил Фэ в ресторан или потанцевать. Но теперь сдается, что приглашение было частью заговора, глубоко продуманного плана кузины Сесиль. Право же, она чересчур француженка, если понимаешь, о чем я. Она затеяла переговоры на высшем уровне с моей маман и говорила про dot⁸ Фелиситэ и как желанно, чтобы старые семьи выстояли. Все было ужасно по-прустовски. Моя мама, которая родилась в колониях и вообще не слишком любит Фелиситэ, не потеряла головы и до последней секунды сохраняла неприступное величие знати, а потом вдруг обронила вскользь, что никогда не вмешивалась в мои дела и ничуть не удивится, если я женюсь на секретарше общества «Сплоченных связей с Советским Союзом».

– Тетя Силь была потрясена?

– Она пропустила это мимо ушей как шутку в дурном вкусе.

– А как насчет самой Фэ?

– Ах, она вне себя из-за своего молодого человека. А он, позволь тебе заметить, пожалуй, самый гадкий образчик фальши, какой вообще можно встретить. Он искрится с ног до головы, и зовут его Карлос Ривера.

– Не надо быть таким зашоренным.

⁸ Приданое (фр.).

– Конечно-конечно, но погоди, пока его не увидишь. Он сильно упирает на ревность и называет себя отпрыском благородного испано-американского семейства. Я ни слову не верю, и, думаю, у Фелиситэ тоже зародились сомнения.

– Ты, кажется, писал, что он играет на аккордеоне?

– В «Метрономе», в джаз-банде Морри Морено. Он выходит в свет прожектора и раскачивается. Кузен Джордж собирается заплатить Морри баснословную сумму, чтобы тот позволил ему, кузену Джорджу, играть на барабанах. Так Фелиситэ и познакомилась с Карлосом.

– Она правда в него влюблена?

– По ее словам, безумно, но ей начинает приедаться его ревность. Из-за выступлений он сам с ней танцевать не может. Когда она приходит в «Метроном» с кем-то другим, он испепеляет их взглядами поверх аккордеона и корчит им рожи во время сольного номера. Если она ходит танцевать в другие клубы, он узнает от других музыкантов. Похоже, они довольно тесная корпорация. Разумеется, как дочь кузена Джорджа, она привыкла к сценам, и тем не менее это начинает чуток действовать ей на нервы. Похоже, после переговоров с моей мамой кузина Сесиль спросила Фелиситэ, как она думает, может ли она меня полюбить, а Фелиситэ тут же мне позвонила спросить, не затеваю ли я какую глупость, и пригласила с собой на ленч. Покормили нас в «Тармаке» недурно, но какой-то идиот написал про нас в газете. Карлос прочел и за старое взялся с непревзойденным пылом. Он говорил про ножи и про то, что делает его семья со своими женщинами, когда те проявляют непостоянство.

– Фэ просто идиотка, – сказала, помолчав, Карлайл.

– Еще какая, моя милая Лайл, еще какая.

IV

Дом № 3 по Дьюкс-Гейт, Итон-плейс, был приятным георгианским строением элегантных, хотя и сдержанных пропорций. Фасад его производил впечатление замкнутости, что несколько смягчали полукруглое окно веером над крыльцом, несколько утопленных желобчатых арок и прекрасные двери. Само собой напрашивалось предположение, что это городской дом безмятежного богатого семейства, которое в предвоенную эпоху поселялось здесь в соответствующие месяцы и пунктуально оставляло его на попечение слуг под конец лета и в охотничий сезон. Дом ведущих размеренную жизнь, неторопливо праздных и ничем не примечательных людей, сказал бы кое-кто.

Эдвард Мэнкс высадил возле него кузину, передав ее багаж дворецкому в летах и напомним, что они увидятся за обедом. Войдя в вестибюль, Карлайл с удовольствием заметила, что тут ничего не изменилось.

– Ее светлость в гостиной, мисс, – сообщил дворецкий. – Предпочитаете...

– Я пойду прямо туда, Спенс.

– Спасибо, мисс. Вы в желтой комнате, мисс. Я распоряжусь поднять туда багаж.

Карлайл последовала за ним в гостиную на втором этаже. Когда они поднялись на площадку, из-за дверей слева раздался ужасающий гвалт. После череды омерзительных диссонансных фраз саксофон зашелся протяжным воем, взвизгнул свисток, ударили тарелки.

– Радио наконец, Спенс?! – удивленно воскликнула, чтобы перекрыть какофонию, Карлайл. – Я думала, радиоприемники запрещены.

– Это оркестр его светлости, мисс. Они репетируют в бальном зале.

– Оркестр, – пробормотала Карлайл. – Я и забыла. Господи милосердный!

– Мисс Уэйн, миледи, – произнес на пороге Спенс.

Навстречу им в дальнем конце длинной комнаты поднялась леди Пастерн-и-Бэгготт. Ей было пятьдесят лет, и для француженки она была высокой. Фигура ее отличалась внушительностью, волосы были несгибаемо уложены, платье достойно восхищения. Создавалось впечатление, что она заключена в призрачную, плотно прилегающую пленку, которая покрывала как ее одежду, так и волосы и не позволяла даже пылинке коснуться поверхности. В голосе слышался металл. Говорить она предпочитала с безупречной дикцией и сбалансированными фразами иностранки, которая прекрасно владеет английским, но его не любит.

– Моя дорогая Карлайл, – решительно сказала она и аккуратно клюнула племянницу в обе щеки.

– Дорогая тетя Силь! Как я рада вас видеть.

– Очаровательно, что ты приехала.

Карлайл подумала, что поздоровались они как персонажи в несколько устарелой комедии, но взаимное удовольствие однако было неподдельным. Они питали взаимную приязнь, извлекали непринужденное удовольствие из общества друг друга. «Что мне нравится в тете Сесиль, – сказала Карлайл Эдварду, – так это ее твердое нежелание позволять чему-либо выбить ее из колеи». В ответ он напомнил ей про редкие приступы ярости леди Пастерн, а Карлайл возразила, что эти вспышки служат своего рода выпускными клапанами и, вероятно, не раз спасали ее тетю от причинения того или иного физического ущерба лорду Пастерну.

Дамы сели у большого окна. Карлайл, пунктуально подавая ответы на вопросы и замечания в затеянном леди Пастерн разговоре, с удовольствием скользила глазами по неброской лепнине и филенкам красивых пропорций, по стульям, столам и шкафчикам, которые, хотя и соответствовали в точности той или иной эпохе, благодаря долгому соседству складывались в приятную гармонию.

– Мне всегда нравилась эта комната, – сказала она теперь. – Приятно, что вы ее не изменили.

– Я ее защищала, – сказала леди Пастерн, – от самых яростных атак твоего дяди.

«Ага, – подумала Карлайл, – со вступлением покончено. Сейчас начнется».

– Твой дядя, – продолжала леди Пастерн, – за последние шестнадцать лет периодически пытался поместить сюда молитвенные колеса, латунных будд, тотемный столб и худшие экспессы сюрреализма. Я выстояла и одержала верх. Однажды я велела расплавить серебряное изображение какого-то ацтекского божества. Твой дядя приобрел его в Мехико. Помимо его отвратительного вида, у меня были все причины полагать, что оно подделка.

– Дядя Джордж не меняется, – пробормотала Карлайл.

– Правильнее было бы сказать, дорогое дитя, что он постоянен в своем непостоянстве. – Леди Пастерн сделала внезапный и неопределенный жест. – Нелепо даже пытаться его понять, – добавила она твердо, – а жить с ним решительно невозможно. Если отвлечься от нескольких незначительных формальностей – чистой воды помешанный. Увы, медицинскому освидетельствованию он не подлежит. Будь он болен и имей я на руках диагноз, уж я бы знала, что делать.

– Ах тетушка!

– Повторяю, Карлайл, я бы знала, что делать. Не пойми меня неправильно. Сама я смирилась. Я оделась броней. Я способна терпеть вечные унижения. Я умею пожимать плечами при виде его возмутительного фиглярства. Но когда затронута моя дочь, – сказала, выпячивая бюст, леди Пастерн, – об уступчивости не может быть и речи. Я ставлю на своем. Я иду в бой.

– А что именно затеял дядя Джордж?

– В том, что касается Фелиситэ, он замышляет катастрофу. Не смею надеяться, что тебе неизвестно о ее романе.

– Но...

– По всей очевидности, известно. Профессиональный джазмен, который, как ты, без сомнения, услышала, войдя в дом, сейчас находится по приглашению твоего дяди в бальном зале. Почти наверное Фелиситэ слушает, как он играет. Крайне неподходящий молодой человек, чья вульгарность... – Леди Пастерн осеклась, губы у нее дрожали. – Я видела их вместе в театре, – сказала она. – Это выходит за рамки всего мыслимого... Невозможно даже пытаться описать. Я в отчаянии.

– Мне так жаль, тетя Силь, – смущенно шепнула Карлайл.

– Я знала, что могу рассчитывать на твое сочувствие, милая девочка. Надеюсь, что могу заручиться и твоей помощью. Фелиситэ тебя любит и тобой восхищается. Разумеется, она тебе доверится.

– Но, тетя Силь...

Где-то в недрах дома загомонили голоса.

– Музыканты уходят, – поспешно сказала леди Пастерн. – Так называемая репетиция окончена. Еще минута, и появятся твой дядя и Фелиситэ. Карлайл, могу я заклинать тебя...

– По-моему... – с сомнением начала Карлайл и, услышав на площадке голос дяди, нервно встала.

Леди Пастерн с гримасой глубочайшей многозначительности положила руку на локоть племянницы. Карлайл почувствовала, как к горлу у нее подкатывает истерический смехок. Дверь открылась, и в комнату бойко вошел лорд Пастерн-и-Бэготт.

Глава 3

Предобеденное

I

Он был низеньким, не большое пяти футов семи дюймов, но такого компактного сложения, что не создавалось впечатления малорослости. Все в нем было щеголеватым, хотя и неброским: одежда, буффоньерка в петлице, тщательно зачесанные на уши волосы. Светло-серые с розоватым белком глаза смотрели пронизательно и остро. Нижняя губа чуть выпирала вперед, а на скулах играли два четко очерченных пятна старческого румянца. Он живо вошел в комнату, наградив тремя быстрыми поцелуями племянницу и обратился к жене:

– Кто обедает?

– Мы с тобой, Фелиситэ, Карлайл, разумеется, и Эдвард Мэнкс. И я пригласила присоединиться к нам сегодня мисс Хендерсон.

– Плюс еще двое. Я пригласил Морено и Риверу.

– Это совершенно невозможно, Джордж, – спокойно ответила леди Пастерн.

– Почему?

– Помимо прочих соображений, которые я не удостою даже перечислением, для двух дополнительных гостей не хватит еды.

– Скажи, пусть откроют консервы.

– Я не могу принять этих лиц за обедом.

Лорд Пастерн свирепо ухмыльнулся.

– Прекрасно, Ривера поведет Фелиситэ в ресторан, а Морено останется с нами. Получится то же число обедающих, что и раньше. Как поживаешь, Лайл?

– Прекрасно, дядя Джордж.

– Фелиситэ не будет обедать вне дома с этой личностью, Джордж. Я этого не допущу.

– Ты не можешь им помешать.

– Фелиситэ учтет мои пожелания.

– Не будь идиоткой, – отрезал лорд Пастерн. – Ты на тридцать лет отстала от времени, моя дорогая. Дай девчонке волю, а на ноги она сама встанет. – Он помолчал, явно упиваясь придуманным афоризмом. – А ты ведешь себя так, что они рано или поздно от тебя сбегут. Кстати, лично я против такого не возражаю.

– Ты впал в маразм, Джордж?

– Половина женщин Лондона душу бы продали, лишь бы очутиться на месте Фелиситэ.

– Мексиканский оркестрант.

– Отлично устроившийся молодчик. Разбавит твою старую кровь. Это ведь Шекспир, так, Лайл? Насколько я понимаю, он из прекрасной испанской семьи. Идальго или что-то в таком роде, – добавил он неопределенно. – Малый из приличной семьи случайно оказался музыкантом, а ты его за это осуждаешь. Просто тошнит от такого снобизма. – Он повернулся к племяннице: – Я всерьез подумываю отказаться от титула, Лайл.

– Джордж!

– Относительно обеда, Силь. Ты можешь раздобыть для них чего-нибудь съестного или нет? Говори же.

Плечи леди Пастерн передернулись и поднялись. Она глянула на Карлайл, которой почудилось, что во взгляде тетушки блеснула хитрость.

– Прекрасно, Джордж, – изрекла леди Пастерн. – Я поговорю со слугами. Я поговорю с Дюпоном. Очень хорошо.

Лорд Пастерн ответил жене крайне подозрительным взглядом.

– Рад тебя видеть, Лайл, – сказал он, садясь. – Чем занималась?

– Работа в Греции. В фонде помощи голодающим.

– Если бы люди понимали основы диетологии, никакого голода вообще не было бы, – мрачно бросил лорд Пастерн. – Любишь музыку?

Карлайл ответила осторожно и вдруг поняла, что тетушка – напряженным взглядом и поднятием бровей – пытается сообщить ей нечто важное.

– А я всерьез ею увлекся, – продолжал лорд Пастерн. – Свинг. Буги-вуги. Джайв. Нахожу, что как раз это не дает мне закиснуть. – Он застучал каблуками по ковру, захлопал в ладоши и гнусавым фальцетом затянул: – Бай-бай, бэйби. Пока, не горюй. Бай-бай, о бэйби, бай.

Открылась дверь, и вошла Фелиситэ де Суз, поразительно красивая молодая женщина с большими темными глазами, широким ртом и таким выражением тонкого лица, мол, сам черт ей не брат.

– Дорогая! – воскликнула она. – Ты просто рай во плоти! – Она с пылом расцеловала Карлайл.

Лорд Пастерн все еще хлопал и напевал. Подхватив мотив, падчерица понемногу начала вести, потом, вытянув палец и им размахивая, стала дирижировать. Они улыбнулись друг другу.

– У тебя очень даже мило получается, Джордж, – сказала она.

Карлайл задумалась, а какое впечатление сложилось бы у нее, будь она совершенно чужой в этом доме. Заявила бы она, как леди Пастерн, что ее дядя эксцентричен до умопомешательства? «Нет, – подумала она, – скорее всего нет. В нем есть какое-то пугающее здравомыслие. Он переполнен энергией, он говорит именно то, что думает, и делает именно то, что хочет делать. Но он – как карикатура на себя самого и не заглядывает дальше следующей минуты и ничего не делает наполовину. Впрочем, – размышляла Карлайл, – кому из нас не хотелось однажды сыграть на большом барабане?»

С жаром, показавшимся Карлайл неубедительным, Фелиситэ бросилась на софу подле матери.

– Ангел! – воскликнула она экспансивно. – Не будь такой гранд-дамой. Мы с Джорджем веселимся!

Выпростав руку, леди Пастерн встала.

– Мне нужно переговорить с Дюпоном.

– Позвони, пусть придет Спенс, – сказал ее муж. – Зачем тебе самой заходить на территорию слуг.

С превеликой холодностью леди Пастерн указала, что при нынешней нехватке продуктов те, кто желает сохранить услуги и добрую волю повара, не посылает ему в семь вечера записку о том, что к обеду будут еще двое. И вообще, вне зависимости от ее великого такта Дюпон скорее всего уволится.

– Он накормит нас обычным обедом, – возразил ее супруг. – Три перемены блюд от мсье Дюпона!

– Очень остроумно, – холодно ответила леди Пастерн. И на том удалилась.

– Джордж! – начала Фелиситэ. – Ты победил?

– Чертовски хотелось бы так думать! В жизни не слышал ничего нелепей. Попробуй пригласить на обед пару человек, и твоя мама разыгрывает из себя леди Макбет. Пойду приму ванну.

Когда он ушел, Фелиситэ с широким беспомощным жестом обратилась к Карлайл:

– Ну и жизнь, милочка! Каждую минуту пляшешь на краю вулкана, никогда не зная, будет ли извержение! Полагаю, ты уже все про меня слышала?

– Кое-что.

– Он безумно привлекателен.

– В каком смысле?

Фелиситэ с улыбкой потрянула головой.

– От него со мной такое творится, ты, моя дорогая Лайл, даже вообразить себе не сможешь.

– Он, случаем, не ловелас, ну, из тех, что прыгают с цветка на цветок?

– Да прыгай он хоть как мячик в пинг-понге, а я и глазом не моргну. Для меня он просто рай, нет, самый настоящий рай.

– Ну же, Фэ, – пожурела Карлайл. – Все это я уже слышала. Где тут подвох?

Фелиситэ глянула на нее косо.

– О чем ты? Какой подвох?

– В твоих молодых людях всегда есть подвох, дорогая, когда ты ими так бредишь.

Встав, Фелиситэ медленно двинулась в обход комнаты. Закурив сигарету, она играла ею меж пальцами, обхватив при этом ладонью левой руки локоть правой. К тому же сама ее манера сделалась вдруг отстраненной.

– Когда англичане говорят «ловелас», – свысока пояснила она, – то неизменно подразумевают человека, в ком больше шарма и меньше *gaucherie*⁹, чем в среднем англичанине.

– Не могу с тобой не согласиться, но продолжай.

– Конечно, я с самого начала знала, что мама станет дьявольски упираться, – высокомерно заявила Фелиситэ. – *C’la va sans dire*¹⁰. И не отрицаю, Карлос чуточку сложен. Слова «это сущий ад, но того стоит» довольно точно описывают ситуацию на данный момент. Но я этого боюсь, правда-правда. Как мне кажется.

– А мне нет.

– Да нет же. – Фелиситэ яростно затрясла головой. – Я обожаю скандалы. Я выросла на скандалах. Вспомни Джорджа. Знаешь, если честно, то, думаю, с Джорджем у меня больше общего, чем было бы с моим родным отцом. По всем рассказам, папа был чересчур *range*¹¹.

– Тебе и самой чуточка упорядоченности не помешала бы, старушка. А в чем Карлос сложный?

– Ох, он ревнив, как любовник из испанского романа.

– Не читала ни одного испанского романа, если не брать в расчет «Дон Кихота», и, уверена, ты тоже. Что он делает?

– О господи, все. Приходит в ярость и в отчаяние, посылает ужасные письма специальной почтой. Вот и сегодня я получила сущий бред *a cause de*¹²... ну, а *cause de* на самом-то деле сущего пустяка.

Замолчав, она глубоко затянулась. Карлайл вспомнились сердечные излияния, которые обрушивала на нее по секрету Фелиситэ в те времена, когда училась в монастырской школе, по поводу, как она выражалась, «своих завихрений». Был учитель музыки, который, по счастью, отверг Фелиситэ, и студент-медик, который не отверг. Были братья других девочек и актер, которого она попыталась подстеречь на благотворительном утреннике. Был мужчина-медиум, которого нанял лорд Пастерн в свой спиритуалистический период, и прохиндей-диетолог. Собравшись с духом, Карлайл выслушала нынешнее излияние. По всему выходило: назревает

⁹ Неуклюжесть (*фр.*).

¹⁰ Само собой разумеется (*фр.*).

¹¹ Упорядоченный (*фр.*).

¹² Из-за (*фр.*).

крупный скандал – *crise*¹³, как выразилась Фелиситэ. Она чаще матери вворачивала французские словечки и любила в своих страшных горестях и бедах винить буйный галльский темперамент.

– ...на самом деле, – говорила Фелиситэ, – я даже улыбки ни одной живой душе не бросила, а он уже хватает меня за руки и награждает самым вопиющим взглядом, который начинается у подошв и поднимается к твоему лицу, а после отправляется в обратный путь. И дышит громко, сама знаешь как, – так и пыхтит носом. Не буду отрицать, в первый раз было довольно забавно. Но когда он прослышал про старину Эдварда, мне стало – и до сих пор, надо сказать, остается – не до шуток. И в дополнение ко всему *crise*.

– Как, еще один кризис? Но какой? Ты не объяснила...

Впервые вид у Фелиситэ сделался чуточку смущенный.

– Он нашел письмо, – выдавила она. – В моей сумочке. Вчера.

– Не хочешь же ты сказать, что он рылся в твоей сумочке? И бога ради, какое письмо? Ну же, Фэ!

– Не сомневаюсь, тебе этого не понять, – высокомерно ответила Фелиситэ. – У нас был ленч, а у него кончились сигареты. Я отошла припудриться и сказала, пусть возьмет в моем портсигаре. Письмо зацепилось за портсигар, когда он его доставал.

– А он... не важно, что за письмо?

– Знаю, ты сейчас скажешь, что я сошла с ума. Это был черновик письма, которое я послала кое-кому. В нем немного говорилось о Карлосе. Когда я увидела у него в руке письмо, я была жутко потрясена. Я сказала что-то вроде: «Эй, тебе нельзя его читать», и тогда Карлос, разумеется, тут же его вскрыл. Он сказал: «Так».

– Что «так»?

– Само по себе «так». С ним такое бывает. Он латиноамериканец.

– Я думала такое «так» у немцев.

– Какая разница, меня оно все равно пугает. Я занервничала, начала лепетать, попыталась свести все к шутке, но он сказал, что либо может мне доверять, либо нет, а если может, то почему я не разрешаю ему прочесть письмо? Я совершенно потеряла голову и выхватила письмо, а он зашипел. Мы были в ресторане.

– Господи боже!

– Ну да, знаю. Очевидно, он собирался поднять ужасный шум. И в результате самым лучшим, единственным выходом показалось отдать ему письмо. Я дала ему письмо с одним условием, что он не станет его читать, пока мы не вернемся в машину. Дорога домой была чудовищной. Просто чудовищной.

– Но можно спросить, что было в письме и кому оно было адресовано? Ты сбиваешь меня с толку, Фэ.

Последовало долгое неловкое молчание. Фелиситэ закурила новую сигарету.

– Ну же, – подстегнула наконец Карлайл.

– Так уж вышло, – надменно объявила Фелиситэ, – что оно было обращено к мужчине, которого я на самом деле не знаю и у которого я просила совета о нас с Карлосом. Профессионального совета.

– О чем ты! Он священник? Или юрист?

– Не думаю. Он написал мне премиленькое письмо, и мое было ответом на то, с благодарностью. Карлос, конечно же, решил, что я писала Эдварду. А самым худшим, с точки зрения Карлоса, было то место... со словами: «Полагаю, он дико приревновал бы, если бы узнал, что я вам так запросто написала...» Едва он это прочел, как прямо-таки ходуном заходил. Он...

Губы у Фелиситэ задрожали. Отвернувшись, она тоненьким голосом затараторила:

¹³ Кризис (*фр.*).

– Он ревел и бушевал и ничего не желал слушать. Это было убийственно. Ты и представить себе не можешь, каково это было. Он сказал, что я немедленно должна объявить о нашей помолвке. Он сказал, а не то он... Он сказал, что уедет и всему положит конец. Он дал мне неделю. У меня есть время до следующего вторника. Не больше. Я должна объявить о ней до следующего вторника.

– А ты не хочешь? – мягко спросила Карлайл. Увидев, как дрогнули плечи Фелиситэ, она подошла к ней. – В этом дело, Фэ?

Голос Фелиситэ дрогнул и надломился, она запустила руки в волосы.

– Не знаю я, чего хочу, – зарыдала она. – Лайл, я в такой переплет попала, так запуталась. Мне ужасно страшно, Лайл. Все так чертовски ужасно, Лайл. Мне страшно.

II

На протяжении военных лет и их изматывающих последствий леди Пастерн сохраняла неизменную церемонность. Ее редкие званые обеды по этой причине приобрели аромат ушедшей эпохи. И тем более потому, что, совершив подвиг превосходной хозяйственной стратегии, она исхитрилась сохранить в доме на Дьюкс-Гейт штат обученной прислуги, пусть и несколько сократившийся. Надевая вечернее платье, бывшее в моде шесть лет назад, Карлайл размышляла, что если нехватка продуктов не отступит, ее тетя вскоре по праву будет относиться к тому же классу, что и легендарный русский аристократ, который с полнейшей невозмутимостью занимал почетное место за бесконечным банкетом из сухой корки и воды.

Она рассталась с Фелиситэ, которая все еще тряслась и бессвязно лепетала, на лестничной площадке.

– Ты увидишь его за обедом, – всхлипнула Фелиситэ. – Увидишь, о чем я говорю. – И с толикой вызова добавила: – И все равно, мне плевать, кто что думает. Если у меня беда и неразбериха, то самая упоительная на свете. А если я захочу из нее выпутаться, то не по тем причинам, какие мне навязывают. Это только потому, что... О боже, ну и история!

На том Фелиситэ ушла в свою комнату и хлопнула за собой дверь. Совершенно очевидно, размышляла Карлайл, закончив накладывать макияж и закуривая сигарету, что несчастная девчонка вне себя от переживаний, а сама она, Карлайл, на целый уик-энд превратится в своего рода буфер между Фелиситэ, ее матерью и ее отчимом. «Самое худшее, – раздраженно думала Карлайл, – что я их люблю и в конечном счете ввяжусь в серьезную ссору со всеми тремя разом».

Она спустилась в гостиную. Никого там не застав, она рассеянно прошла через площадку и, толкнув величественные двойные двери, заглянула в бальный зал.

Позолоченные стулья и музыкальные поппитры стояли полукругом, как островок среди блеска начищенного паркета, перед ними высился рояль. На его опущенной крышке в сюрреалистическом несообразии были разбросаны несколько зонтов от дождя и от солнца. Подойдя ближе, она узнала среди них черно-белый, очень парижский зонт, с которым ее тетушка десять лет назад произвела фурор в Аскоте. Зонт, как ей помнилось, стал гвоздем туалетов в Королевской ложе, и его много фотографировали. Его преподнес леди Пастерн некий индийский посланник по случаю ее первого замужества, и с тех пор она его очень и очень берегла. Ручка была сделана в форме птичьей головы с рубиновыми глазками. Из этой головы уходило к спицам древко, чудовищно тонкое, многоступенчатое и обвитое платиновой проволокой. Пружинная застежка, открывающая и закрывающая зонт, и полая вставка, к которой она крепилась, были усеяны драгоценными камнями, что было довольно неудобно и в свое время погубило немало перчаток. Когда Фелиситэ была маленькой, ей иногда позволяли откручивать птичью голову и секцию с застежкой, что по какой-то причине неизменно доставляло ей огромное удовольствие. Взяв зонт, Карлайл его открыла и тут же поскорее закрыла снова, посмеявшись над собственной суеверностью. На табурете у рояля высилась стопа нотных листов, а по верхнему бежали сравнительно разборчивые каракули – программа концерта.

«Выступление в зале, – прочла она. – (1) Старые мелодии в новой обработке. (2) Скелтон. (3) Сэндра. (4) Крутой малый».

На дальнем конце полукруга стульев и чуть в стороне размещалась барабанная установка: большие барабаны, тамбурины, литавры, маракасы и кокосовые орехи. Карлайл осторожно тронула ногой педаль и нервно отпрыгнула, когда грохнула пара тарелок. «Забавно было бы, – подумала она, – сесть и ка-а-ак вдарить. Интересно, каков дядя Джордж в деле!»

Она огляделась. Здесь состоялся бал по случаю ее первого выхода в свет, для этого бала ее родители сняли дом Пастернов. Как далеки теперь те довоенные годы! Карлайл заново насе-

лила призраками воспоминаний голую комнату и вновь ощутила до странности беззаботное веселье той ночи. Она чувствовала, как шнурок программки махрится под нервным давлением пальцев в перчатке. Она увидела написанные на программке имена и заново мысленно их перечитала – убогий шрифт списка погибших. Крестик напротив танцев до ужина был для Эдварда. «Я не одобряю, – сказал он тогда, точными движениями ведя ее в танце и говоря так беспечно, что она, как всегда, засомневалась в его намерениях. – Зачем нам так красоваться, да и вообще все...» «Если тебе не весело...» «Да нет же, весело». И он завел один из их «романцев»: «В величественном бальном зале на Дьюкс-Гейт, в лондонском доме лорда Пастерна-и-Бэготта, среди звуков музыки и запаха оранжерейных цветов...» А она вмешалась: «Юный Эдвард Мэнкс увлек свою кузину в водоворот танца». «Как чудесно», – думала она. Действительно было чудесно. Последний танец тоже достался Эдварду, и она испытывала разом усталость и радостное возбуждение, двигалась, словно парила в облаках, нет-нет, взаправду парила. «Доброй ночи, доброй ночи, было великолепно». Позднее, когда часы пробили четыре, наверху, в кровати, голова кружится от усталости, опьянение благодарностью ко всему миру за свое полнейшее счастье...

«Такая юная, – думала Карлайл, глядя на паркет и стены бального зала, – и такая далекая. Призрак Розы», – думала она, и музыкальная фраза вздохом положила конец воспоминаниям.

Ощущение того бала не повторилось, продолжения не последовало. Снова балы, где танцы распланированы заранее, роман-другой и письма от Эдварда, который уехал делать специальные репортажи из России. А потом война.

Отвернувшись, она снова перешла площадку, чтобы попасть в гостиную. Все еще никого. «Если не поговорю скоро с кем-нибудь, – думала Карлайл, – совсем впаду в уныние». Она нашла стопку иллюстрированных журналов и развернула их, думая, с чего бы фотографии людей, которые едят, танцуют или смотрят на что-то, чего на картинке нет, должны привлекать внимание.

«Леди Дартмур и мистер Джереми Триндл шутят на премьере «Все меньше и дороже»», «Мисс Пенелопа Сэнтон-Кларк серьезного мнения о ситуации в Сэндтауне. С ней внимательно рассматривает программу скачек капитан Энтони Барр-Барр». «В «Тармаке»: мисс Фелиситэ де Суз за серьезной беседой с мистером Эдвардом Мэнксом». «Неудивительно, – подумала Карлайл, – что тетя Сесиль считает, что они могли бы стать хорошей парой» – и отложила журнал подальше. На коленях у нее остался один последний: глянцево издание, на обложке которого были изображены вершина холма, щедро усеянная цветами, и молодые люди примечательно цветущей комплекции, с самой что ни на есть радостью и благополучием взирающие на что-то неразличимое в оскорбительно голубом небе. Наверху обложки курсивом выгнулось название – «Гармония».

Карлайл перевернула несколько страниц. Вот ежемесячная рецензия Эдварда на прошедшие спектакли – едкая и пронизательная, слишком уж хороша для такого дурацкого дешевого издания. Он говорил, что там очень хорошо платят. Вот статья о генетике «Консультанта «Гармонии»», после – сверхэмоциональный подвал о помощи голодающим, эту заметку Карлайл, сама в некотором роде эксперт, проглядела неодобрительно. Далее статья: «Жить лучась», которую она поскорее перелистнула, передернувшись. Потом статья на разворот, озаглавленная: «Преступление – дело выгодное», отличающаяся крайне цветистым слогом, но и исключительно прямолинейное и основанное на фактическом материале обвинение в адрес торговцев наркотиками. В статье откровенно и без экивоков приводились названия двух латиноамериканских фирм с обширными связями в Великобритании. Заметка редакции агрессивно призвала читателей поделиться сведениями, обещая полную защиту информаторам. А еще прямо таки напрашивалась на иск о клевете и обещала продолжение.

После шло несколько страниц о выходках и нарядях знаменитостей, а потом на центральном развороте Карлайл увидела заголовок на всю полосу:

«РУКА ПОМОЩИ»

Спроси у НФД

(Наставник, Философ, Друг)

Карлайл проглядела текст. Тут приводились письма молодых женщин, просивших совета относительно помолвки и ухажеров, и молодых людей, искавших наставлений в выборе жен и работы. Вот замужняя женщина как будто была готова последовать указаниям неизвестного мудреца в деле исключительно личного свойства, а далее вдовец умолял эксперта о совете в вопросе о втором браке – с женщиной двадцатью годами его моложе. Карлайл уже собиралась перелистнуть страницу, когда ее взгляд привлекла фраза: «Мне восемнадцать, и я неофициально обручена. Мой жених безумно ревнив, и его поведение...»

Она прочитала до конца. Стилль был до крайности знакомым. И у журнала был такой вид, словно его часто открывали на этом развороте. В желобок между страницами забился пепел. Неужели Фелиситэ?.. Но подпись «Тутс»! Могла ли Фелиситэ подписаться таким кошмарным псевдонимом? А если ее неизвестный корреспондент... Карлайл терялась в лабиринте догадок, от которых ее оторвал слабый звук: металлический щелчок. Она подняла глаза. Никто в комнату не вошел. Звук повторился, и она сообразила, что доносится он из кабинета дяди, небольшой комнаты, в которую вела дверь в дальнем конце гостиной. Увидев, что дверь приоткрыта, а свет горит, она вспомнила про неизменную привычку лорда Пастерна полчаса сидеть в кабинете перед обедом, медитируя над той очередной одержимостью, какая им владела в данный момент, и что он всегда любил, когда она к нему заходила.

Пройдя по длинному густому ковру, она заглянула в приоткрытую дверь.

Лорд Пастерн сидел у камина. В руках у него был револьвер, который он сосредоточенно заряжал.

III

Несколько мгновений Карлайл медлила. Потом голосом, который ей самой показался чуточку визгливым, спросила:

– Что это ты задумал, дядя Джордж?

Он вздрогнул, и револьвер выскользнул у него из рук и едва не упал.

– Привет, – сказал он, перехватывая поудобнее револьвер. – Я думал, ты про меня забыла.

Войдя, она села подле него.

– Ты готовишься к нападению взломщиков?

– Нет. – Он наградил ее взглядом, который Эдвард как-то назвал плотоядным, и добавил: – Хотя можно и так сказать. Я готовлюсь к моему великому выходу. – Он дернул рукой в сторону столика у своего локтя. Карлайл увидела на блестящей столешнице несколько патронов. – Как раз собираюсь вынуть пули, – объяснил лорд Пастерн, – чтобы холостые были. Люблю сам обо всем позаботиться.

– Но что это за великий выход?

– Увидишь сегодня вечером. Вы с Фелиситэ приглашены. Хорошо бы получилась вечеринка. Кто твой избранник?

– У меня его нет.

– Почему?

– Спроси себя.

– Слишком уж ты сдержанна, деточка. Не удивлюсь, если у тебя одна из тех штук... Эдип и все такое. Я залез, знаешь ли, в психологию, когда интересовался совместимостью в браке.

Вставив в глаз монокль, лорд Пастерн пошел к письменному столу, где начал рыться в ящиках.

– А что сегодня намечается?

– Особый, расширенный гала-концерт в «Метрономе». Я играю. Выступление в зале в одиннадцать часов. Мое первое появление на публике. Морри меня нанял. Очень мило с его стороны, правда? Ты получишь удовольствие, Лайл.

Он вернулся с ящиком, доверху полным самыми странными предметами: тут были куски проволоки, лобзик, бритвенные лезвия, огарки, столярные ножи, старые фотографии, детали электромотора, тюбик замазки, какие-то мелкие инструменты и огромное количество шпатлевки в вошеной бумаге. Карлайл прекрасно помнила этот ящик. Его содержимое служило ей утешением в дождливые дни детских визитов. Из всякой всячины в нем лорд Пастерн, который был очень сноровист в таких мелочах, умел мастерить кукол, мухоловки и крошечные кораблики.

– Думаю, – сказала она, – мне почти все в твоей коллекции знакомо.

– Вот этот револьвер мне подарил твой папа, – заметил лорд Пастерн. – Он один из пары. Твой папа заказал их своему оружейнику, чтобы к ним подходили особые патроны. Терпеть не мог перезаряжать после каждого выстрела, как делаешь с тирными пистолетами, сама понимаешь. Они обошлись ему в круглую сумму, знаешь ли. Мы с ним всегда стреляли. Однажды он вырезал свои инициалы на рукояти вот этого. Мы едва не разругались из-за того, какой лучше стреляет, и решили вопрос стрельбой. Вот посмотри.

Она осторожно взяла револьвер.

– Ничего не вижу.

– Тут где-то есть лупа. Посмотри под предохранителем.

Порывшись в ящике, Карлайл нашла линзу.

– Надо же, – протянула она. – И правда, инициалы.

С.Д.У.

– Мы были отличными стрелками. Всю пару он завещал мне. Второй лежит в футляре где-то в столе.

Достав пинцет, лорд Пастерн взял один патрон.

– Так-так, молодого человека у тебя нет, – продолжал он, возвращаясь к прежней теме. – Тогда позовем Неда Мэнкса. Это порадует твою тетю. Нет смысла звать кого-то еще для Фэ. Карлос подойдет.

– Дядя Джордж, – рискнула спросить Карлайл, пока он возился со своей задачей, – ты одобряешь Карлоса? Правда?

Лорд Пастерн хмыкнул и забормотал невнятно. Она уловила обрывки фраз: «...идти собственным путем... своя судьба... неправильно браться за дело».

– Он чертовски хороший аккордеонист, – сказал он вдруг громко и несколько туманно добавил: – Лучше бы они предоставили все мне.

– Что он собой представляет?

– Увидишь через минуту. Я знаю, что делаю, – сказал лорд Пастерн, закручивая конец патрона, из которого извлек пулю.

– Тогда ты, кажется, единственный. Он ревнив?

– Слишком долго ей потакали. Это ее приструнит, да оно и к лучшему.

– А ты не слишком много делаешь холостых патронов? – безо всякой цели спросила Карлайл.

– Мне нравится их делать. Никогда не знаешь наперед, как обернется. Скорее всего, меня уйму раз попросят повторить мой номер. Надо заранее подготовиться.

Подняв глаза, он увидел журнал, который Карлайл все еще держала в руках.

– Так и думал, что подобное тебе по вкусу. – Лорд Пастерн ухмыльнулся.

– Выписываешь, милый?

– Твоя тетя выписывает. Там уйма всего полезного. Они не боятся говорить, что думают. Видела их статью про торговлю наркотиками? И факты приводят, и имена, а если кому не нравится, пусть заткнется. Полиция, – неопределенно добавил лорд Пастерн, – ни на что не годна. Напыщенные неумехи. Узколобые посредственности. А Нед, – добавил он, – пишет рецензии.

– Может, он и НФД заодно, – весело отозвалась Карлайл.

– Мозги у парня есть. – Лорд Пастерн так пугающе хмыкнул, что Карлайл подпрыгнула от неожиданности. – Уйма здравого смысла у этого малого.

– Дядя Джордж, – внезапно спросила Карлайл, – ты, случайно, не знаешь, Фэ когда-нибудь обращалась к НФД?

– Знал бы, ни словечком не обмолвился, дорогая. А как иначе?

Карлайл покраснела.

– Нет, конечно, не обмолвился бы, если бы она сказала тебе по секрету. Вот только Фэ обычно не способна держать что-то при себе.

– Так спроси ее. Она могла и похуже чего выкинуть.

Лорд Пастерн уронил две извлеченные пули в корзину для бумаг и вернулся к столу.

– Я тут сам пописывал, – сказал он. – Посмотри, Карлайл.

Он протянул племяннице нотный лист. Мелодия была записана со множеством помарок, а ниже нотных линеек шли слова. «Крутой малый, – прочла Карлайл. – Жесток наш малый? Наш крутой малый со своим акко-о-орде-о-о-оном? Стреляет как играет и всех побивает. Стреляет как играет, а стреляет, чтоб убить. Хайд-о-хай. Йи-ип. Ходе-ить. Йи-ипп. Стреляй, малый,

стреляй, с тобой мы сочте-е-мся. Крутой малый, крутой у нас он и его аккордео-о-он. Бу-бу-бу».

– Умно, а? – самодовольно спросил лорд Пастерн.

– Поразительно, – пробормотала Карлайл и была избавлена от необходимости дальнейших комментариев голосами в гостиной.

– Это «Мальчики», – бодро сказал лорд Пастерн. – Идем.

«Мальчики» были в рабочих смокингах – заметное одеяние, похожее на униформу, поскольку смокинги были двубортными, с хромовыми пуговицами и серебряными заклепками и отворотами. Сильно обуженные рукава позволяли увидеть значительную часть манжеты. Более высокий из двух мужчин, чью бледность только подчеркивали одутловатость и полнота, завидев хозяина, просиял и бросился к нему.

– Так-так-так! – кричал. – Только посмотрите, кто у нас тут!

Но внимание Карлайл было приковано к его спутнику. В голове у нее вихрем закружили воспоминания об экспертах по части танго, о киношных псевдозвездах с мундштуками и в двухцветных туфлях, о затянутых в корсеты женщинах, упорно ковыляющих по танцзалам в цепкой хватке мужчин намного их моложе...

– ...и мистер Ривера... – говорил тем временем ее дядя.

Карлайл высвободила руку из медвежьей хватки мистера Морено, и тут же ей поклонился мистер Ривера.

– Мисс Уэйн, – произнес молодой человек Фелиситэ, Карлос.

Распрямился он изящно и наградил ее взглядом автоматического восхищения.

– Очень мил, – объявил мистер Морри Морено, указывая на маленькое полотно Фрагонара над каминной полкой. – Боже ты мой, он прекрасен, Карлос. Изыскан.

– В гасиенде моего отца, – изрек мистер Ривера, – есть картина, которая живо встает перед мысленным взором при виде этой. Упоминаемая мной картина – портрет одного моего предка по отцовской линии. Это оригинал, настоящий Гойя. – И пока Карлайл недоумевала, как картина Фрагонара могла напомнить мистеру Ривере о Гойе, он повернулся к Карлайл: – Вы, конечно же, бывали в Аргентине, мисс Уэйн?

– Нет, – сказала Карлайл.

– О, вы непременно должны поехать. Она покажется вам ужасно привлекательной. Кстати, гостям бывает трудно увидеть нас изнутри, такими, какие мы есть. Испанские семьи очень закрытый круг.

– О!

– О да. Одна моя тетя, дона Изабелла да Мануэлос-Ривера, говаривала, что наша – это единственная уцелевшая аристократия. – Подавшись к лорду Пастерну, он музыкально рассмеялся. – Но конечно же, она не бывала в одном очаровательном доме на Дьюкс-Гейт, в Лондоне.

– Что? Я прослушал, – рассеянно отозвался лорд Пастерн. – Ах да, Морено, по поводу сегодняшнего вечера...

– Сегодняшний вечер, – прервал, улыбаясь от уха до уха мистер Морено, – у нас в кармане. Они на уши встанут, лорд Пастерн. Не волнуйтесь нисколько из-за сегодняшнего вечера. Все будет чудненько. Вы, разумеется, придете, мисс Уэйн?

– Ни за что не пропущу, – пробормотала Карлайл, не зная, куда деваться от такого чересчур уж рьяного внимания.

– О стволе я позаботился, – живо сказал ее дядя. – Пять обойм холостых, понимаете ли. Что касается зонтов...

– Вы любите музыку, мисс Уэйн? – спросил Карлос и всем телом подался к ней. – В полночь, когда в воздухе витает аромат магнолии... О, чудесные ночи музыки. Конечно, вам покажется странным, что я... – пожав плечами, он понизил голос, – играю в танцевальном оркестре. В таком чудовищном костюме! Здесь, в Лондоне! Ужасно, верно?

– Не понимаю, что тут ужасного.

– Полагаю, – вздохнул мистер Ривера, – я, что у вас называется, сноб. Бывают времена, когда мне это кажется почти невыносимым. Но мне нельзя так говорить. – Он глянул на мистера Морено, с головой погрузившегося в беседу с их хозяином. – Золотое сердце, – шепнул он. – Джентльмен от природы. Мне не стоит жаловаться. Какими серьезными мы вдруг заделались, – добавил он игриво. – Не прошло и двух минут с нашей встречи, а я уже вам доверился. Вы simpático¹⁴, мисс Уэйн. Но конечно же, вам говорили это раньше.

– Никогда, – твердо отрезала Карлайл и обрадовалась, увидев, как входит Эдвард Мэнкс.

– Привет, Нед, – подмигнул ему лорд Пастерн. – Рад тебя видеть. Ты знаком...

Карлайл услышала, как мистер Ривера втянул в себя воздух с внушительным шипением. Мэнкс, махнув мистеру Морено, подошел с приятной улыбкой и протянутой рукой.

– Мы не встречались, мистер Ривера, – сказал он, – но по крайней мере я один из ваших поклонников в «Метрономе». Будь что-то способно научить меня танцевать, уверен, это был бы ваш аккордеон.

– Рад познакомиться, – процедил мистер Ривера и повернулся спиной. – Я говорил, мисс Уэйн, – продолжал он, – что всей душой верю в первые впечатления. Едва нас представили...

Карлайл посмотрела мимо него на Мэнкса, который застыл как вкопанный. При первой же возможности она обошла мистера Ривера и встала с ним рядом.

Мистер Ривера удалился к камину, перед которым встал с отстраненным видом, напевая себе под нос. И тут же его взял в оборот лорд Пастерн. Мистер Морено присоединился к ним со всеми проявлениями ошеломляющей сердечности.

– Относительно моего номера, Карлос. Я говорил Морри...

– Изю всех чертовски грубых... – забормотал Мэнкс.

Взяв под руку, Карлайл его увела.

– Он просто ужасен, Нед. Фелиситэ, наверное, выжила из ума, – поспешно шепнула она.

– Если кузен Джордж считает, что я буду стоять и смотреть, как меня оскорбляет черт-даго в карнавальном костюме...

– Бога ради, не впадай в ярость. Лучше посмейся.

– Ха-ха-ха...

– Так-то лучше.

– Он, скорее всего, плеснет мне в лицо шерри. Какого дьявола я спрашивал, будет ли он. О чем только думает кузина Сесиль?

– Это все дядя Джордж... замолчи. Идут дамы.

По пятам за леди Пастерн, облаченной во все черное, следовала Фелиситэ. Взаимные представления хозяйка дома стерпела с ужасающей вежливостью. Мистер Морено удвоил сердечность. Мистер Ривера имел вид человека, который расцветает лишь в присутствии великих мира сего.

– Я так рад, что мне наконец выпала честь быть представленным, – начал он. – Я столько слышал от Фелиситэ о ее матушке. И мне кажется, у нас, возможно, найдется немало общих друзей. Возможно, леди Пастерн, вы помните одного моего дядю, который, думаю, много лет назад занимал какой-то пост в нашем посольстве в Париже. Сеньор Алонза да Мануэ-лос-Ривера.

Леди Пастерн взидала на него безо всякого выражения.

– Не помню, – холодно ответствовала она.

– В конце концов, это было так давно, – галантно продолжил он, на что леди Пастерн бросила на него изумленный взгляд и отошла к Мэнксу.

¹⁴ Душка (исп.).

– Дорогой Эдвард, – сказала она, подставляя щеку. – Мы так редко тебя видим. Это такая радость.

– Спасибо, кузина Сесиль. И для меня тоже.

– Мне бы хотелось с тобой посоветоваться. Ты ведь простишь нас, Джордж? Мне очень хочется знать мнение Эдварда о моей *petit-point*¹⁵.

– Оставьте меня наедине, – похвалялся Мэнкс, – с *petit-point*.

Взяв под руку, леди Пастерн увела его к рабочему столику. Карлайл увидела, как Фелиситэ направилась к Ривере. Очевидно, она вполне держала себя в руках: приветствие ее было довольно официальным, зато к Морено и своему отчиму она повернулась от Риверы с видом самым что ни на есть заговорщицким.

– Кто готов со мной поспорить, что я не смогу угадать, о чем вы, умники, разговаривали? Мистер Морено немедленно сделался сама веселость.

– Ах, мисс де Суз, вы слишком уж нам осложнили пари. Боюсь, вы чересчур много о нас знаете. Разве нет, лорд Пастерн?

– Меня беспокоят зонтики, – капризно гнул свое лорд Пастерн, и Морено и Фелиситэ заговорили разом.

Карлайл пыталась составить хотя бы какое-то мнение о Ривере, и никак не могла. Он влюблен в Фелиситэ? Если да, то была ли его ревность к Мэнксу искренней, а потому пугающей страстью? Или же он авантюрист до мозга костей? Неужели возможно, что он взаправду тот, за кого себя выдает? Неужели возможно, чтобы кто-то был настолько фальшивым, как мистер Ривера? И мыслимо ли подумать, что манеры отпрысков знатных испано-американских родов так сильно отдавали голливудскими стереотипами? У нее разыгралось воображение или его оливковые щеки действительно стали чуточку бледнее, когда он стоял и смотрел на Фелиситэ? Слабый тик, мельчайшее подергивание мышцы у него под левым глазом взаправду произвольное или, как остальное в нем, наигрыш? И пока догадки одна за другой проносились и роились у нее в голове, к ней подошел мистер Ривера собственной персоной.

– Ах, вы так серьезны! – воскликнул он. – Хотелось бы знать почему. В моей стране есть поговорка: «Женщина бывает серьезной по одной из двух причин: она вот-вот влюбится или она уже влюблена без надежды на взаимность». А поскольку второе немыслимо, я спрашиваю себя: кому эта милая леди вот-вот отдаст свое сердце?

Карлайл подумала: «А мне интересно, не на эту ли фразу клюнула Фелиситэ?» – но вслух сказала:

– Боюсь, ваша пословица за пределами Южной Америки неприменима.

Он рассмеялся, словно она произнесла гениальную остроу, и запротестовал, мол, ему лучше знать, честное слово, лучше. Карлайл поймала обращенный на них бесцветный взгляд Фелиситэ и, быстро повернувшись, удивилась точно такому же выражению на лице Эдварда Мэнкса. Ее охватывала все более острая неловкость. От мистера Риверы было никак не избавиться. Его лесть и лукавое подшучивание набирали обороты с прямо-таки непристойным напором. Он восхищался платьем Карлайл, ее скромными драгоценностями, ее прической. Самое безобидное его замечание было произнесено в такой убийственной манере, что тут же приобрело оттенок непристойного комплимента. Смущение перед такими эксцессами быстро уступило место раздражению, когда она увидела, что, расточая ей множество растапливающих душу взглядов, мистер Ривера одновременно внимательно следил за Фелиситэ. «Будь я проклята, – подумала Карлайл, – если позволю, чтобы ему сошла с рук эта пакость». Выбрав подходящий момент, она улизнула к тете, которая увела Эдварда Мэнкса в дальний конец комнаты, где шептала анафемы прочим своим гостям. Когда Карлайл подошла, Эдвард как раз пустился в неловкие протесты.

¹⁵ Вышивка (*фр.*).

– ...но, кухня Сесиль, честно говоря, думаю, я мало что могу поделать. Я хотел сказать... А, это ты, Лайл, наслаждалась оргией латиноамериканских словесных ласк?

– Не слишком, – ответила Карлайл, склоняясь над тетиной вышивкой. – Какое чудо! Как вам такое удастся?

– Я подарю тебе ее на вечернюю сумочку. Я говорила Эдварду, что сдаюсь на его милость и, – добавила штормовым шепотом леди Пастерн, – твою, моя дорогая девочка. – Она повыше подняла вышивку, словно чтобы ее рассмотреть, и они заметили, как ее пальцы бесцельно шарят по стежкам.

– Вы же оба видите эту отталкивающую личность. Заклинаю вас... – Ее голос прервался. – Смотрите, – шепнула она, – вот сейчас смотрите. Посмотрите на него.

Карлайл и Эдвард тайком взглянули на мистера Ривера, который как раз вставлял сигарету в нефритовый мундштук. Он поймал взгляд Карлайл, но не улыбнулся, а залоснился под взглядами, словно бы от высочайшей похвалы. Его глаза расширились. «Где-то он вычитал, – подумала она, – про джентльменов, которые умеют раздевать дам взглядом». Она услышала, как Мэнкс вполголоса выругался, и с удивлением отметила, что сама довольна этим обстоятельством. Мистер Ривера направился к ней.

– О господи! – пробормотал Мэнкс.

– А вот и Хенди, – громко возвестила леди Пастерн. – Она с нами обедает. Я совсем забыла.

Дверь в дальнем конце комнаты открылась, и внутрь тихонько вошла просто одетая женщина.

– Хенди! – эхом откликнулась Карлайл. – Я забыла про Хенди. – И поспешно направилась к ней.

Глава 4

За обедом и после него

I

Мисс Хендерсон была гувернанткой Фелиситэ и осталась в семье после того, как девочка выросла, заняв пост на полпути между компаньонкой и секретарем Фелиситэ и ее матери разом. Карлайл называла ее контролером дома и знала, что множество раз та совершала буквально невозможные подвиги, подразумеваемые этим титулом. Это была седоватая женщина лет сорока пяти, приятной, но ничем не примечательной наружности и с безмятежным голосом. Карлайл, которая ее любила, часто удивлялась ее верности этому бурному семейству. Для леди Пастерн, которая всех людей разносила по аккуратному ранжиру, мисс Хендерсон была, без сомнения, служащей с большим тактом и прекрасными манерами, чье присутствие на Дьюкс-Гейт необходимо для ее собственного душевного спокойствия. Мисс Хендерсон занимала собственные комнаты на верхнем этаже, где обычно принимала пищу в одиночестве. Однако иногда ее приглашали на ленч или обед с семьей – либо потому, что не явилась какая-нибудь гостья, либо потому, что хозяйка дома полагала уместным время от времени таким образом подчеркнуть ее положение. Она редко выходила из дома, и если имела интересы или связи вне его, то Карлайл о них ничего не слышала. Она прекрасно приспособилась к своей изоляции, и если ее когда-либо терзало одиночество, никоим образом не давала этого понять. Карлайл полагала, что мисс Хендерсон имеет влияние на Фелиситэ больше кого-либо другого, и теперь ей показалось странным, что леди Пастерн не упомянула о ней сразу же как о возможном заслоне против мистера Риверы. Впрочем, семья не часто вспоминала про Хенди, если только не могла найти ей для чего-нибудь применения. «Да и я тоже, – виновато подумала Карлайл, – хотя и так ее люблю, забыла о ней справиться». И из-за этого упущения тем теплее ее приветствовала:

– Как я вам рада, Хенди! Сколько мы не виделись? Четыре года?

– Думаю, чуть больше трех.

Как это похоже на Хенди! Она во всем была незаметно аккуратной и точной.

– Ты ничуть не изменилась, – сказала Карлайл, нервно сознавая, что прямо у нее за спиной маячит мистер Ривера.

Леди Пастерн ледяным тоном их представила. Мистер Морено кланялся и бросал улыбки с коврика у камина, а мистер Ривера, стоя рядом с Карлайл, произнес:

– Ну да, конечно, мисс Хендерсон, – и вполне мог бы добавить: «Гувернантка, я полагаю».

Мисс Хендерсон сдержанно поклонилась, и Спенс объявил, что обед подан.

Общество расселось за круглым столом – озерцо света в полной тени столовой. Карлайл оказалась между своим дядей и Риверой. Напротив нее, между Эдвардом и Морено, сидела Фелиситэ. Леди Пастерн, справа от Риверы, сперва сносила его реплики с ужасающей любезностью – вероятно, подумала Карлайл, чтобы дать Эдварду Мэнксу, другому своему соседу, свободу рук с Фелиситэ. Но поскольку мистер Морено совершенно игнорировал мисс Хендерсон, сидевшую справа от него, а всю свою искрометность обратил на все ту же Фелиситэ, этот маневр оказался недейственным. Через несколько минут леди Пастерн завела с Эдвардом разговор, показавшийся Карлайл весьма зловещим. Она улавливала лишь обрывки, поскольку Ривера возобновил свою тактику нахрапа и блеска. Подход у него был очень простой. Он почти спиной повернулся к леди Пастерн, наклонился к Карлайл так близко, что ей видны стали поры его кожи, заглянул ей в глаза и – со множеством инсинуаций – противоречил всему, что бы она

ни сказала. Об убежище в разговоре с дядей нечего было и мечтать, поскольку лорд Пастерн погрузился в раздумья, из которых выныривал время от времени, лишь чтобы бросить замечание невпопад, ни к кому, в сущности, не обращаясь, а на еду набрасывался со свирепым пылом, уходящим корнями в его период «Назад к природе». Застольные манеры у него были вопиюще и намеренно омерзительные. Он жевал с открытым ртом, оглядываясь вокруг, точно хищник, у которого грозят отобрать добычу, к тому же жевал, не переставая говорить. Спенсу и слуге, который ему помогал, а также мисс Хендерсон, которая приняла изоляцию с обычной своей сдержанностью, беседа, вероятно, напоминала диалог из сюрреалистической радиопостановки.

— ...мы подумали, Эдвард, какая хорошая вышла ваша фотография с Фелиситэ в «Тармаке». Она получила такое удовольствие, что ты вывел ее в свет...

— ...но я совсем немзыкальна...

— ...вы не должны так говорить. Вы сама музыка. Ваши глаза полны музыки, ваш голос...

— ...а вот это весьма удачная мыслишка, мисс де Суз. Надо бы выпустить вас с «Мальчишками»...

— ...значит, договорились, мой милый Эдвард.

— ...спасибо, кузина Сесиль, но...

— ...вы с Фелиситэ всегда столько всего делали вместе, верно? Только вчера мы смеялись, перебирая старые фотографии. Помнишь, как в Глочмере...

— Си, где мое сомбреро?

— ...с этим платьем вы должны носить цветы. Каскад орхидей. Вот тут. Позвольте я вам покажу...

— ...прошу прощения, тетя Сесиль, боюсь, я не расслышал, что вы сказали...

— Дядя Джордж, вам пора со мной поговорить...

— Э?... Извини, Лайл, я задумался, где мое сомбреро...

— Лорд Пастерн так добр, что не отнимает вас у меня. Смотрите. Ваш платок упал.

— Проклятие!

— Эдвард!

— Прошу прощения, кузина Сесиль, не знаю, что на меня нашло.

— Карлос.

— ...в моей стране, мисс Уэйн... Нет, я не могу звать вас мисс Уэйн. Кар-р-р-лайл! Какое странное имя. Странное и пленительное.

— Карлос!

— Извините. Вы что-то сказали?

— Относительно зонтиков, Морри.

— Да, сказала.

— Тысяча извинений, я разговаривал с Кар-р-р-лайл.

— Я заказал стол на троих, Фэ. Для тебя, Карлайл и Неда. Не опаздывайте.

— Сегодня играть я буду для вас.

— Я тоже иду, Джордж.

— Что?!

— Будь добр, позвони, чтобы стол приготовили на четверых.

— Маман! Я думала...

— Тебе это не понравится, Си.

— Я твердо решила пойти.

— Проклятие, будешь сидеть и есть меня глазами, так что я стану нервничать.

— Взор, Джордж, — бодро возразила леди Пастерн. — Будь добр изменить заказ.

Супруг воззрился на нее в ярости, явно прикидывая, не устроить ли словесное побоище, но передумал и учинил неожиданное нападение на Риверу.

– Относительно того, как тебя вынесут, Карлос, – сказал он многозначительно, – жаль, что меня не смогут вынести тоже. Почему бригада с носилками не может вернуться за мной?

– Будет, будет, будет! – поспешно вмешался мистер Морено. – Мы же обо всем договорились, лорд Пастерн, так ведь? Играем по первому варианту. Вы стреляете в Карлоса. Карлос падает. Карлоса уносят. Вам достается шоу. Великое завершение. Конец. Ну пожалуйста, не надо меня сбивать. Все ведь хорошо и улажено. Отлично. Ведь мы договорились, правда?

– Да, так было решено, – благородно снизошел мистер Ривера. – Со своей стороны я, пожалуй, в некоторых сомнениях. В иных обстоятельствах я, несомненно, настоял бы на втором варианте. В меня стреляют, но я не падаю. Лорд Пастерн промахивается. Убиты другие. Морри стреляет в лорда Пастерна, и ничего не происходит. Лорд Пастерн играет, падает в обморок, его выносят. Я заканчиваю концерт. На этом варианте при прочих обстоятельствах я бы настаивал. – Он сделал своего рода общий поклон, охватив им лорда Пастерна, Фелиситэ, Карлайл и леди Пастерн. – Но в таких исключительных и крайне очаровательных обстоятельствах я уступаю. Я убит. Я падаю. Возможно, я поранюсь. Не важно.

Морено ел его глазами.

– Старый добрый Карлос, – буркнул он неловко.

– И все равно не понимаю, почему и меня тоже нельзя унести, – капризно гнул свое лорд Пастерн.

Карлайл услышала, как мистер Морено прошептал себе под нос:

– Господи помилуй!

– Нет, нет, нет! – громко заявил Ривера. – Если не принимать второй вариант полностью, будем выступать с первым, как репетировали. Вопрос улажен.

– Карлайл, – сказала леди Пастерн, вставая, – не пройти ли нам?..

Она увела дам в гостиную.

II

Фелиситэ была озадачена, обижена, смущена. Она беспокойно расхаживала по комнате, поглядывая то на мать, то на Карлайл. Леди Пастерн не обращала на дочь внимания. Она расспрашивала Карлайл, как той понравилось в Греции, и с полнейшей невозмутимостью выслушивала ее несколько рассеянные ответы. Мисс Хендерсон, взявшая шкатулку с вышивальными нитками леди Пастерн, разбирала их неторопливыми и мягкими движениями и, казалось, с интересом слушала.

Внезапно Фелиситэ взорвалась:

– Не вижу ничего смешного в том, что все мы ведем себя так, словно у нас к обеду был архиепископ Кентерберийский. Если вам, всем вам, есть что сказать о Карлосе, я была бы вам очень признательна, если вы выскажетесь прямо.

Руки мисс Хендерсон на мгновение замерли, она подняла глаза на Фелиситэ, потом снова вернулась к своему занятию. Леди Пастерн, томно скрестив лодыжки и запястья, чуть повела плечами.

– На мой взгляд, моя дорогая девочка, сейчас неподходящая тема для какой-либо дискуссии по данному вопросу.

– Почему? – взвилась Фелиситэ.

– Воспоследует сцена, а в данных обстоятельствах, – сказала леди Пастерн с видом полнейшего благоразумия, – на сцену нет времени.

– Если ты думаешь, что сейчас придут мужчины, маман, так нет. Джордж условился еще раз пройти программу в бальном зале.

Вошел слуга и собрал кофейные чашки. Леди Пастерн беседовала с Карлайл, пока за ним не закрылась дверь.

– Поэтому повторяю, – громко сказала Фелиситэ, – я хочу услышать, маман, что ты имеешь против Карлоса.

Леди Пастерн приподняла бровь и опять повела плечом. Ее дочь топнула ногой:

– Тысяча чертей!

– Фелиситэ! – воскликнула мисс Хендерсон. Это не прозвучало ни упреком, ни предостережением. Имя сорвалось и упало нейтральным комментарием. Крепко держа большим и указательным пальцами вышивальное шильце, она безмятежно его рассматривала.

Фелиситэ раздраженно встрепенулась.

– Вы думаете, – с жаром заявила она, – что любой проявит себя с наилучшей стороны в незнакомом доме, где хозяйка смотрит на него так, словно от него дурно пахнет.

– Если уж на то пошло, дорогая девочка, от него действительно пахнет. И запах довольно тяжелый, если не сказать большего, – задумчиво добавила леди Пастерн.

Из бального зала донеслась короткая и раскатистая дробь, завершившаяся бряцанием тарелок и громким хлопком как от выстрела. Карлайл нервно подпрыгнула. Шильце выпало из пальцев мисс Хендерсон на ковер. Невзирая на возбуждение, Фелиситэ нагнулась его подобрать, явив тем самым несомненное свидетельство эффективности воспитания своей гувернантки.

– Это твой дядя всего лишь, – пояснила для Карлайл леди Пастерн.

– Мне следует пойти прямо туда и извиниться перед Карлосом за то, как гадко с ним обращались, – бушевала Фелиситэ, но в ее голос вкралась нотка неуверенности, и она обиженно посмотрела на Карлайл.

– Если кому-то и причитаются извинения, – возразила ее мать, – то как раз Карлайл. Извини, дорогая, что тебе пришлось претерпеть эти... – она сделала брезгливый жест, – эти поистине невыносимые знаки внимания.

– Господи боже, тетя Силь, – начала в остром смущении Карлайл, но спасла ее Фелиситэ, которая разразилась слезами и выбежала вон из комнаты.

– Наверное... – Мисс Хендерсон встала.

– Да, пожалуйста, пойдите к ней.

Но не успела мисс Хендерсон подойти к двери, которую Фелиситэ оставила открытой, как в коридоре раздался голос Риверы.

– В чем дело? – отчетливо произнес он, а Фелиситэ, задыхаясь, ответила:

– Мне надо с тобой поговорить.

– Ну разумеется, если хочешь.

– Тогда сюда.

Голоса стихли и снова неотчетливо зазвучали в кабинете. Дверь между кабинетом и гостиной с грохотом захлопнулась с той стороны.

– Думаю, их лучше оставить в покое, – сказала леди Пастерн.

– Если я пойду в свою комнату, она, когда все закончится, возможно, поднимется ко мне.

– Тогда идите, – безотрадно согласилась леди Пастерн. – Спасибо, мисс Хендерсон.

– Что вы затеяли, тетя? – спросила Карлайл, когда мисс Хендерсон вышла.

Чуть отвернувшись, чтобы пламя камина не дышало ей в лицо, леди Пастерн объяснила твердо:

– Я приняла решение. Полагаю, избранная мной линия поведения в этом вопросе была ошибочной. Предвидя мое неизбежное сопротивление, Фелиситэ встретила эту личность в его собственном окружении и, как, думаю, сказала бы ты, утратила перспективу. Трудно поверить, что она не одумается теперь, когда видела его в нашем доме и могла наблюдать его чудовищные выходки, его нескончаемую вульгарность. Уже очевидно, что она заколебалась. Я не устаю напоминать себе, что, в конце концов, она де Футо и де Суз. Разве я не права?

– Это заезженный трюк, дорогая тетя. И не всегда срабатывает.

– Но сейчас срабатывает. – Леди Пастерн поджала губы. – К примеру, она увидела его рядом с милым Эдвардом, к которому всегда была привязана. О твоём дяде как желанном контрасте ничего не могу сказать, но по крайней мере его костюм не выходит за рамки приличий. И хотя я глубоко негодую, милое дитя, что ты в моем доме вынуждена терпеть знаки внимания этого животного, это, безусловно, произвело должное – и к тому же неприятное – впечатление на Фелиситэ.

– Вот именно неприятное, – отозвалась, розовея, Карлайл. – Но, тетя Сесиль, он ведь повел себя так со мной, чтобы сыграть гадкую шутку с Фелиситэ, приструнить ее и заставить образумиться.

Леди Пастерн на мгновение прикрыла глаза. Карлайл вспомнилось, что такова у нее обычная реакция на сленг.

– И боюсь, – добавила она, – Фэ на нее клонула.

– У Фелиситэ она может вызвать только отвращение.

– Не удивлюсь, если она откажется пойти сегодня в «Метроном».

– На это я и надеюсь. Но боюсь, она пойдет. Думаю, она не уступит так легко. – Леди Пастерн встала. – Что бы ни случилось, я разорву этот роман. Ты меня слышала, Карлайл? Я положу ему конец.

За дверью в дальнем конце комнаты голос Фелиситэ взвился пронзительным крещендо, но слова остались неразборчивы.

– Они уже ссорятся, – удовлетворенно сказала леди Пастерн.

III

Эдвард Мэнкс сидел с бокалом портвейна в руке, на столе остывала чашка кофе, а его мысли бродили кругами, все расширяющимися от освещенного свечами стола. Он смутно подметил, что Морено и Ривера подсели к лорду Пастерну. Голос Морено, громкий, но как будто дряблый, тянул и мял фразу за фразой.

– Ну да, конечно. Не волнуйтесь, все у нас в кармане. Они просто со стульев попадают. Ладненько, пройдемся еще раз. Будет.

Лорд Пастерн ерзал, запинался, хмыкал, жаловался. Ривера, откинувшись на спинку стула, молча вертел в руке бокал. Мэнкс, отметивший, как часто в него доливали, задумался, а не набрался ли аккордеонист.

Так они и сидели в клубах сигарного дыма, освещенные свечами, – несуразная группа. Он увидел их как три диссонантные несовместные фигуры в центре невыносимой композиции. «Морено, – сказал он самому себе, – торговец весельем. Весельем!» Каким модным, размышлял он, это слово было до войны. Будем веселы, говорили все кругом и, мрачно обняв друг друга, топали и шаркали, пока такие, как Морри Морено, издавали шумные звуки и улыбались за них. Они нарекали детей «Гей»¹⁶, пересыпали этим словечком беспечные комедии и навязчивые, гнетущие шлагеры. «Веселье! – бормотал про себя раздраженный и сердитый Эдвард. – Слово, может, и ничего, но чувство, пока его испытываешь, названия не имеет. Вот кузен Джордж, который, нет сомнений, чуточку не в себе, сидит как рупор своего класса между торговцем буги-вуги и хамом. А Фэ выкамаривает в адском кругу, в то время как кузина Сесиль торжественно раскачивается наперекор ритму. Во внешнем кругу – хотелось бы надеяться, что поневоле – Лайл, а вот я, трезвый как черт, на периметре». Подняв глаза, он увидел, что Ривера на него смотрит, но не прямо, а краешком глаза. «Глумится, – подумал Эдвард, – как inferнальная карикатура на себя самого».

– Встряхнись, Нед, – улыбнулся ему лорд Пастерн. – Надулся как сыч, ни словечка от тебя не слышно. Надо вылезать из скорлупы. Чуток веселья, что скажешь?

– Как пожелаете, сэр, – отсалютовал Эдвард и, подобрав выпавшую из вазы посреди стола белую гвоздику, продел цветок себе в петлицу. – Безупречное веселье, а?

С визгливым смешком лорд Пастерн повернулся к Морено.

– Ну, Морри, если все, как вы говорите, я закажу такси на четверть одиннадцатого. Как по-вашему, найдете, чем себя занять до тех пор? – Он подтолкнул к Морено графин.

– Конечно-конечно, – отозвался Морено. – Нет-нет, спасибо, больше не надо. Отличное вино, право слово, но мне надо быть пай-мальчиком.

Эдвард пододвинул портвейн Ривере, который, улыбнувшись чуть шире, налил себе еще.

– Покажу вам револьвер и холостые, когда пойдем, – сказал лорд Пастерн. – Они в кабинете. – Он капризно глянул на Риверу, который медленно пододвигал к себе стакан. Лорд Пастерн не любил, когда его заставляют ждать. – Позаботься о Карлосе, Нед, ладно? Вы не против, Карлос? Я хочу показать Морри холостые. Пошли, Морри.

Мэнкс открыл перед кузеном дверь и вернулся к столу. Сев, он стал ждать, что Ривера сделает первый ход. Вошел Спенс, помедлил и снова удалился. Последовало долгое молчание.

Наконец Ривера вытянул ноги и, подняв повыше бокал, посмотрел на свет портвейн.

– Я человек, – сказал он, – который любит переходить к сути. Вы кузен Фелиситэ, да?

– Нет.

– Нет?

– Я в родстве с ее отчимом.

¹⁶ Gay (англ.) – веселье.

– Она называла вас кузеном.

– Простоты ради.

– Полагаю, вы к ней привязаны?

Эдвард молчал три секунды, потом сказал:

– Почему нет?

– Это неудивительно. – Ривера залпом выпил половину налитого. – Карлайл тоже называет вас кузеном. И тоже простоты ради?

Эдвард отодвинулся вместе со стулом.

– Боюсь, не понимаю, в чем суть.

– Суть? Ах, ну да. Я человек, – повторил Ривера, – который любит переходить к сути. А еще я человек, которому не нравится, когда его принимают холодно или... как это говорится... когда его водят за нос. А в этом доме, я нахожу, меня принимали весьма холодно... неприветливо, да... Это мне неприятно. В то же время я знакомлюсь с леди, которая мне не неприятна. Совершенно напротив. Я заинтересован. Я тактично осведомляюсь. Например, я спрашиваю, в каких отношениях означенная дама состоит с моим хозяином, почему бы и нет?

– Потому что ваш вопрос крайне оскорбителен, – отрезал Эдвард и подумал: «Боже, кажется, я выхожу из себя!»

Как бы подводя итог, Ривера махнул рукой и опрокинул бокал на пол.

– В моей стране, – с нажимом сказал он, – подобные слова не употребляют, не ожидая продолжения.

– Да возвращайтесь к себе в страну, бога ради.

Ривера вцепился в спинку стула и облизнул губы. И внезапно пронзительно рыгнул. Эдвард рассмеялся. Нетвердым шагом Ривера направился к нему, подошел совсем близко, но тут помедлил и поднял руку, щегольски сжав большой и средний пальцы. Он протягивал руку, пока она не оказалась у самого носа Эдварда, а тогда без особого успеха попытался щелкнуть пальцами.

– Сволочь, – осторожно сказал он. Из отдаленного бального зала раздался раскат барабанной дроби, за ним – лязг тарелок и оглушительный хлопок.

– Не будьте ослом, Ривера, – сказал Эдвард.

– Я буду смеяться над вами, пока блевать не начну.

– Да хоть до комы досмейтесь, если хотите.

Ривера положил ладонь себе на талию.

– В моей стране ответом на такой афронт был бы удар ножом, – заявил он.

– Исчезните, не то ответом будет пинок под зад, – отозвался Эдвард. – А если станете еще беспокоить мисс Уэйн, я основательно вас вздую.

– Ага! – вскричал Ривера. – Так, значит, не Фелиситэ, а кузина. Очаровательная маленькая Карлайл. И мне говорят руки прочь, ха? Нет, нет, мой друг. – Он попятился к двери. – Нет, нет, нет, нет.

– Убирайтесь.

Ривера рассмеялся с большой виртуозностью и хвастливо вышел в коридор. Дверь он оставил открытой. Эдвард услышал его голос на площадке:

– В чем дело? – и после паузы: – Ну разумеется, если хочешь.

Хлопнула дверь.

Эдвард в нерешительности обошел вокруг стола. Потом побрел к буфету и провел рукой по волосам.

– Невероятно, – пробормотал он. – Экстраординарно. Никогда бы не подумал.

Заметив, что рука у него дрожит, он налил себе солидную порцию виски. «Наверное, – думал он, – так было всегда, а я просто не распознал».

Вошли Спенс с помощником.

- Прошу прощения, сэр, – сказал Спенс. – Я думал джентльмены ушли.
- Все в порядке, Спенс. Убирайте, если хотите. Не обращайтесь на меня внимания.
- Вы нездоровы, мистер Эдвард?
- Думаю, у меня все в порядке. Мне преподнесли большой сюрприз.
- Вот как, сэр? Надеюсь, приятный.
- Чудесный, Спенс. Чудесный.

IV

– Вот смотрите, – самодовольно изрек лорд Пастерн. – Пять холостых патронов и к ним пять запасных. Ловко, а?

– По мне, так просто замечательно, – залебезил Морено, возвращая холостые патроны. – Но откуда мне знать, что к чему.

Переломив револьвер, лорд Пастерн начал его заряжать.

– Попробуем-ка, – предложил он.

– Бога ради, лорд Пастерн, только не тут.

– В бальном зале.

– Мы немного встревожим леди, разве нет?

– Ну и что? – невинно переспросил лорд Пастерн и, шелчком закрыв револьвер, задвинул на место ящик стола. – Не могу тратить время, убирая эти штуки. Вы идите в бальный зал. А мне еще кое-что надо сделать. Буду с вами через минуту.

Морри послушно ушел в бальный зал, где бесцельно бродил, вздыхая, зевая и поглядывая на дверь.

Наконец вошел с озабоченным видом хозяин.

– Где Карлос? – спросил он.

– Думаю, все еще в столовой, – с громким смешком ответил Морено. – Отличный портвейн вы нам выставили, знаете ли, лорд Пастерн.

– Надеюсь, он не ударит ему в голову. Не хотелось бы, чтобы он напортачил на концерте.

– Он пить умеет.

Лорд Пастерн бросил револьвер на пол возле барабанов. Морено тревожно подобрался.

– Давно хотел спросить, – сказал, садясь за барабаны, лорд Пастерн, – вы поговорили с Сидни Скелтоном?

Морено расплылся в улыбке.

– Пока еще руки не дошли... – начал он, но лорд Пастерн его оборвал:

– Если сами не хотите говорить, я ему скажу.

– Нет-нет! – поспешно воскликнул Морено. – Нет. Думаю, это будет не вполне желательно, если понимаете, о чем я, лорд Пастерн. – Он озабоченно уставился на хозяина дома, который отвернулся к роялю и раздражительно вертел черно-белый зонт от солнца. Морено продолжил: – Я хотел сказать, Сид тот еще фрукт. Очень темпераментный, если понимаете, о чем я. Огонь, ну чистый огонь. С ним очень трудно иметь дело. С Сидом всегда надо выбирать момент, если понимаете, о чем я.

– Нечего раз за разом спрашивать, понимаю ли я вещи, простые, как шнурки от ботинок, – раздраженно бросил в ответ лорд Пастерн. – Вы считаете, что я хорош на барабанах, вы сами так сказали.

– Конечно, конечно.

– Вы сказали, что если бы я избрал их моей профессией, то был бы одним из лучших. Вы сказали, ваш оркестр гордился бы, поступи я к вам. Сказали, значит, сказали. Я собираюсь сделать это моей профессией и готов на полную ставку войти в ваш оркестр. С этим все ясно. Теперь известите Скелтона и увольте его. Проще простого.

– Да, но...

– Он же без труда найдет работу в другом оркестре, так ведь?

– Да. Конечно. Без труда. Но...

– Вот и ладно, – сказал, подводя черту, лорд Пастерн. Открыв ручку зонтика, он завожился со следующей секцией. – Черно-белый зонт разбирается, – пояснил он. – Умно придумано, а? Французский.

– Послушайте! – обворожительно начал Морено и положил мягкую белую руку на плечо лорда Пастерна. – Я буду совершенно откровенен, милорд. Кому, как не вам, знать. Наше ремесло – мирок жестокий, если вы пони... Я хотел сказать, мне нужно очень и очень обдумать подобное предложение, так ведь?

– Вы говорили, что вам очень бы хотелось, чтобы я играл постоянно, – напомнил ему лорд Пастерн. Говорил он не без грубости, но довольно рассеянно, более занятый зонтом, от которого уже открутил маленькую секцию на верхнем конце ручки. Морри мог только зачарованно наблюдать, как он, взяв револьвер, с бесцельной сосредоточенностью мальчишки, затеявшего шалость, заталкивает эту секцию до половины в дуло, придерживая при этом большим пальцем застежку, обычно не позволявшую открыться зонту. – Надо же, влезает.

– Эй! – не выдержал Морено. – Пушка заряжена?

– Разумеется, – буркнул лорд Пастерн. Положив куски зонта на рояль, он поднял глаза. – Вы говорили об этом мне и Ривере, – добавил он, в обыкновенной своей манере используя трюк Хотспера¹⁷ возвращаться не к последней и даже не к предпоследней, а к четвертой с конца реплике.

– Знаю, знаю, – залопотал Морено, улыбаясь, насколько позволяли уши, – но послушайте! Я намерен сказать напрямик...

– А с чего бы вам говорить иначе!

– Ну тогда... Вы очень увлечены, и вы с душой играете, конечно же, вы хорошо играете. Но, простите за откровенность, надолго ли вашей увлеченности хватит? Вот, к чему я клоню, лорд Пастерн. А что, если будем говорить напрямик, вы завтра сдохнете?

– Мне пятьдесят пять, и я здоров как бык.

– Я хотел сказать, что если вы утратите интерес. Что? – страстно спросил мистер Морено. – Что мне тогда делать?

– Я совершенно ясно дал вам понять...

– Да, но...

– Вы называете меня лгуном, чертова вы образина?! – заорал лорд Пастерн, и на скулах у него вспыхнули два ярко-алых пятна. Грохнув разобранном зонтиком о рояль, он всем телом повернулся к дирижеру, который тут же начал заикаться.

– Будет вам, будет, лорд Пастерн, охолоните, я... мне очень сегодня нервно. Я в таком расстройстве. Не вводите меня в возбуждение.

Лорд Пастерн оскалился.

– Вы дурак, – сказал он. – Я за вами следил. – Он задумался на секунду и как будто принял решение. – Читали когда-нибудь журнал «Гармония»?

Морри дернулся как ошпаренный.

– Ну да. Но почему... В толк не возьму, к чему вы его упоминаете, лорд Пастерн.

– Я почти уже готов написать в этот журнальчик. Знаю одного малого в их редакции. – Он погрузился было в мрачное раздумье, присвистнул сквозь зубы и вдруг рявкнул: – Если не поговорите со Скелтоном сегодня вечером, я сам с ним поговорю.

– Хорошо-хорошо, у нас будет разговорчик с Сидом. Хорошо.

Лорд Пастерн смотрел на него в упор.

– Вам бы лучше сегодня взять себя в руки, – сказал он, а после взял палочки и без лишней суеты выбил оглушительное крещендо, ударил в тарелки и, подхватив с пола револьвер, прицелился в Морено и выстрелил. Хлопок безумным эхом раскатился по пустому бальному залу. Рояль, тарелки и двойной барабан протестующие загудели, а Морено, белый как мел, отскочил на пару шагов.

– Будь я проклят! – рявкнул он, по нему градом покатился пот.

¹⁷ Гарри Хотспер – персонаж исторических пьес Шекспира «Генрих IV» и «Генрих V».

Очаровательно рассмеявшись, лорд Пастерн положил револьвер на рояль.

– Хорошо получилось, правда? Давайте просто пройдемся по программе. Сначала «Старые мелодии в новой обработке», «Лед сегодня есть?», «У меня есть все», «Продавец арахиса» и «Человек с зонтом». Чертовски удачная мысль мне пришла про зонты.

Обшарив взглядом скопление зонтов на рояле, Морено кивнул.

– Черная с белым французская штукавина – моей жены. Она не знает, что я его взял. Скрутите его назад и спрячьте среди остальных, ладно? Мы вынесем их, когда она отвернется.

Морено завожился с зонтами, а лорд Пастерн продолжил:

– После зонтов – номер Скелтона. На мой взгляд, он скучноват. Потом Сэндра споет свои песенки, а после... – он говорил с напускной беспечностью, – после вы скажете пару слов, чтобы меня представить публике, верно?

– Совершенно.

– Да-да. Что-то в том плане, мол, я случайно показал вам кое-что мной написанное, сами понимаете, и вы были совершенно очарованы, а я решил, что моя стезя в этом направлении и все такое. Ну?

– Абсолютно.

– Тогда я выхожу, и мы играем песню с начала и до конца, потом свингуем ее, потом стрельба, а потом, боже ты мой, мое соло. Вот так.

Лорд Пастерн снова взялся за палочки, с мгновение подержал их над барабанами и как будто погрузился в транс.

– И все-таки я не уверен. Может, второй вариант был бы лучше? – задумчиво протянул он.

– Послушайте! Послушайте! – запаниковал Морри.

– Не рвите на себе волосы, – рассеянно отмахнулся лорд Пастерн. – Я думаю. – Он действительно как будто задумался, а потом с криком «Сомбреро!» бросился вон из комнаты.

Морри Морено отер лоб платком и, опустившись на табурет, закрыл лицо руками.

По прошествии значительного времени двери бального зала открылись, и вошел Ривера. Морено поднял глаза на него.

– Как делишки, Карлос? – спросил он страдальчески.

– Не слишком хороши. – Разглаживая указательным пальцем усы, Ривера деревянно подошел к роялю. – Я поссорился с Фелиситэ.

– Ты сам напрашивался, я не прав? Твое ухлестывание за мисс Уэйн...

– Женщинам полезно дать понять, что в любой момент им найдется замена. Они тогда нервничают, и со временем – опля! – они покорны.

– И получилось?

– Пока, возможно, нет. Я на нее сердит. – Он сделал напыщенный и неистовый жест. – На всех них! Со мной обращались как с собакой. Я Карлос да...

– Послушай, – сказал ему Морри, – сейчас мне твой темперамент не по плечу, старина. Я сам едва с ума не схожу от беспокойства. Мне просто не по плечу. Дернул же меня черт связаться со старым дурнем. Боже, какой у меня бардак! Дай сигарету, Карлос.

– Прости. У меня нет.

– Я просил тебя купить мне сигарет! – Голос Морено сорвался на визг.

– Это было бы не к месту. Ты слишком много куришь.

– Поди к черту.

– Повсюду, – заорал Ривера, – со мной обращаются без уважения! Повсюду меня оскорбляют! – По-бычьему наклонив голову, он надвинулся на Морено. – С меня хватит. Я слишком много усмирять себя. Я человек скорых решений. Не стану я больше унижать себя, играя в обычном танцевальном оркестре...

– Будет тебе, будет, будет!

- А потому я увольняюсь.
- У тебя контракт. Послушай, старина...
- Я плюю на твой контракт. Не хочу больше быть твоим мальчиком на побегушках. «Принеси мне сигарет». Ба!
- Послушай, старина... я... я подниму тебе жалованье... – Голос дирижера прервался. Ривера глянул на него и растянул губы в улыбке:
- Правда? На сколько? Скажем, на пять фунтов?
- Имей сердце, Карлос.
- Или, к примеру, тебе вдруг захочется выплатить мне пять сотен задатка...
- Ты с ума сошел! Бога ради, Карлос... Честно, у меня нет таких денег.
- Тогда, – величественно изрек Ривера, – поищи себе других, пусть они тебе за сигаретами ходят. С меня... хватит... финито.
- И что со мной будет? – громко взвыл Морри. – Со мной-то что будет?
- Ривера с улыбкой отошел. Красноречиво изображая безразличие, он осмотрел свое отражение в зеркальной стене и поправил галстук.
- Ты окажешься в крайне бедственном положении, мой друг, – изрек он. – Ты не сможешь меня заменить. Я совершенно незаменим. – Внимательно рассматривая свои усы, он мельком уловил отражение Морено. – Не гляди так кисло, – сказал он, – ты исключительно безобразен, когда делаешь такое лицо. Просто отвратителен.
- Это нарушение контракта. Я могу... – Морри облизнул губы. – Есть закон... Предположим...
- Ривера круто повернулся.
- Закон? – переспросил он. – Премного тебе обязан. Разумеется, всегда можно прибегнуть к закону. Несомненно, это мудрый шаг для руководителя оркестра. Я нахожу предположение забавным. Я повеселюсь, повторяя его дамам, которые так любезно тебе улыбаются и настойчиво просят исполнить их любимые номера. Когда я перестану играть в твоём оркестре, их улыбки погаснут, а свои любимые номера они будут просить у других.
- Ты такого не сделаешь, Карлос.
- Позволь тебе сказать, мой милый Морри, что если закон и будет привлечен, то к нему обращусь я сам.
- Да будь ты проклят! – в бешенстве крикнул Морено.
- Из-за чего переполох? – спросил лорд Пастерн, который вошел незамеченным. Голову его украшало сомбреро с широкими полями, а ремешок подпирал двойной подбородок. – Я решил, что в нём буду выступать. Подходит к стрельбе, как по-вашему? Йи-пп-и-и!

V

После ухода Риверы Фелиситэ осталась сидеть в кабинете, зажав ладони между коленями и стараясь поскорее навеки похоронить воспоминания о недавней сцене. Она бесцельно смотрела вокруг: на мелкие предметы в открытом ящике у ее локтя, на пишущую машинку, на знакомые картинки на стенах, на безделушки и книги. В горле у нее пересохло. Ее переполняли отвращение и иссушающая ненависть. Она пылко желала избавиться от всяческих воспоминаний о Ривере и тем самым унижить его и ранить. Она так долго сидела неподвижно, что когда наконец шевельнулась, то обнаружила, что правая нога у нее затекла, а ступню покалывает. Деревянно и осторожно поднявшись, она услышала, как кто-то перешел площадку, миновал кабинет и вошел в гостиную.

«Пойду к Хенди, – решила она. – Попрошу Хенди сказать всем, что не поеду в «Метроном»».

Она вышла на площадку. Где-то этажом выше ее отчим кричал:

– Мое сомбреро, дуралей... его кто-то взял. Вот и все. Кто-то его стащил.

Из двери в гостиную вышел Спенс с конвертом на подносе.

– Это вам, мисс, – сказал он. – Было оставлено на столике в вестибюле. Мне очень жаль, что его не заметили раньше.

Она взяла. Адрес был отпечатан на машинке. Выше, в углу конверта, значилось крупными буквами «Срочно», а ниже – «Курьером». Вернувшись в кабинет, Фелиситэ вскрыла конверт.

Три минуты спустя дверь в комнату мисс Хендерсон с шумом распахнулась, и, подняв глаза от книги, она увидела на пороге сияющую Фелиситэ.

– Хенди! Хенди! Пойдем, помоги мне одеться. Хенди, милая, пойдем, сделай меня красивой. Случилось кое-что волшебное. Хенди, милая, это будет сногсшибательная вечеринка!

Глава 5

Венок для Риверы

I

На темно-синем фоне стрелка гигантского метронома раз за разом повторяла свой бессмысленный и постоянный жест. По контуру стрелку украшали миниатюрные лампочки, и тем завсегдатаям, кто чуток перебрал, чудилось, что она оставляет за собой волну призрачного света. Стрелка была закреплена на стене, нависающей над просторной раковиной алькова, где помещался оркестр. Изобретательный молодой человек, ведавший декором, так спроектировал этот альков, что сцена казалась выступом на металлической каркасной башне метронома. Острие стрелки проходило туда-сюда над головами музыкантов по сводящей с ума повторяющейся дуге, указывая на каждого по очереди и как бы подчеркивая производимый ими шум. Самому изобретательному дизайнеру замысел представлялся «забавным», но было решено, что иногда полезно выключать механизм, а тогда стрелка указывала прямо вниз. Прямо под ее лампочки старался встать либо Морри Морено, либо тот из музыкантов, кому выпадал сольный номер.

На полукруглом возвышении сцены в настоящий момент пристроились семеро музыкантов танцевального оркестра, которые дули, драли или били свои инструменты. Такие оркестры давали «расширенные концерты», шедшие в «Метрономе» с обеденного времени до одиннадцати часов вечера. Этот известен под названием «Дживстер», и не так хорошо оплачивался, и имел не столь упроченное положение, репутацию и связи, как «Морри Морено и Мальчики». Но разумеется, это был хороший оркестр, тщательно выбранный Цезарем Бонном, управляющим и *maître de safe*¹⁸, а заодно крупным акционером «Метронома».

Сам Цезарь, лохотный, неизмеримо элегантный, в полном цвету тщательно отмеряемой сердечности, перешел, чуть покачивая бедрами, из вестибюля в ресторан, где осмотрел своих гостей. Он шаловливо поклонился, увидев, как метрдотель провожает группку из пяти человек к накрытому для них столу.

– А, Цезарь, добрый вечер, – улыбнулся лорд Пастерн. – Привел семью, как видите.

Цезарь сделал красивый жест.

– Великий день для «Метронома», миледи. Гала из гал.

– Не сомневаюсь, – ответила ее светлость.

Она указала кому куда сесть и сама, расправив плечи и выпятив бюст, заняла место лицом к танцполу, спиной к стене. Она подняла лорнетку. Цезарь и метрдотель застыли в полупоклоне. Лорд Пастерн заказал рейнское.

– Мы сидим слишком близко, Джордж! – крикнула леди Пастерн, перекрывая «Дживстеров», которые как раз вошли в самый раж. И действительно, их стол был притиснут к ступенькам лестницы, ведущей на платформу, к тому же у самой барабанной установки. Фелиситэ могла бы даже коснуться ноги барабанщика.

– Я специально просил, чтобы его сюда поставили! – заорал в ответ лорд Пастерн. – Знал, что ты захочешь вблизи на меня посмотреть.

Карлайл, сидевшая между дядюшкой и Эдвардом Мэнксом, нервно стискивала сумочку и недоумевала: а вдруг тут все немного помешались? Что, например, нашло на Фелиситэ? Почему, всякий раз глядя на Эдварда, она краснеет? Почему она смотрит на него так часто

¹⁸ Распорядитель ночного клуба (*фр.*).

и исподволь, как изумленная и – да! – по уши влюбленная школьница? И почему на лестничной площадке в Дьюкс-Гейт после некой омерзительной сцены с Риверой (Карлайл опустила ставень на воспоминание) Нед повел себя так бурно? И в конце концов, почему сама она так счастлива посреди запутанного и неприятного кризиса?

Эдвард Мэнкс, сидевший между Фелиситэ и Карлайл, тоже был сбит с толку. Столько всего свалилось на него этим вечером. Он поссорился с Риверой в столовой. Он сделал поразительное открытие. Позднее (и не в пример Карлайл, воспоминание принесло ему немалое удовлетворение) он вышел на площадку как раз в тот момент, когда Ривера предпринимал усиленные попытки обнять Карлайл, и очень сильно съездил ему по левому уху. Пока они, все трое, еще буравили друг друга взглядами, появилась с письмом в руках Фелиситэ. Едва бросив взгляд на Эдварда, она сперва побледнела под макияжем, потом сделалась красной как рак и убежала наверх. С тех пор она вела себя престраннейшим образом. Она все пыталась поймать его взгляд и всякий раз, когда ей это удавалось, улыбалась и краснела. Однажды она издала безумный смешок. Тряхнув головой, Эдвард пригласил леди Пастерн танцевать. Ее светлость снизошла до согласия. Встав и положив правую руку ей на бронированную талию, он осторожно повел ее в зал. Танцевать с кузиной Сесиль всегда было чуточку пугающим предприятием.

– Если что-то способно возместить мне унижение в этой прискорбной истории, мой дорогой мальчик, – произнесла она, когда они оказались как можно дальше от оркестра, – то это перемена, какую твое присутствие произвело в Фелиситэ.

– Правда? – нервно спросил Эдвард.

– Несомненно. С самого ее детства ты оказывал глубокое влияние.

– Но, кузина Сесиль... – в крайнем смущении начал Эдвард, но в этот момент оркестр, который уже какое-то время довольствовался обрывочными уханьями и хмыканьями, внезапно перешел к вычурному гвалту. Эдварду пришлось замолчать.

Склонив голову, лорд Пастерн созерцал оркестр с критично-покровительственной миной.

– А они не так плохи, знаете ли, – сказал он, – правда, им задора не хватает. Вот увидишь, как мы будем выступать, Лайл. А?

– Знаю, – подбодрила его Карлайл. В это мгновение его наивность ее тронула. Она была склонна похвалить его, как хвалят ребенка. Ее взгляд следовал за Эдвардом, который сейчас осторожно вел леди Пастерн в танце мимо сцены. Карлайл посмотрела, как они кружат мимо, а заодно поймала взгляд мужчины, сидевшего за соседним столиком. Это был аскетичной внешности человек с брезгливым ртом и красивой формы головой. С ним за столом темноволосая, коротко стриженная женщина. Сидели они как старые добрые друзья. «Приятная пара», – подумала Карлайл. Она испытывала беспричинное оживление и была благодушно расположена ко всему миру и потому импульсивно повернулась к Фелиситэ. А тогда обнаружила, что Фелиситэ тоже наблюдает за Эдвардом и со все тем же необъяснимым обожанием.

– В чем дело, Фэ? – тихонько спросила она. – Что случилось?

Не меняя направления взгляда, Фелиситэ изрекла:

– Нечто поразительное, милочка, сногсшибательное, милая. Я совершенно *boulevard*¹⁹, но я в раю.

После двух кругов Эдвард с леди Пастерн остановились у столика, где леди Пастерн вернулась на свое место. Эдвард скользнул между Карлайл и Фелиситэ. Подавшись к нему, Фелиситэ вынула белую гвоздику у него из петлицы.

– Никого больше с белой гвоздикой тут нет, – тихо сказала она.

¹⁹ Потрясена (*фр.*).

– О, я очень *vieux jeu*²⁰ в моих привычках, – усмехнулся Эдвард.

– Потанцуем?

– Да, конечно.

– Хочешь танцевать, Си? – спросил лорд Пастерн.

– Нет, спасибо, Джордж.

– Не против, если мы с Лайл поспотыкаемся чуток? Времени без четверти одиннадцать.

Через пять минут мне надо идти к «Мальчикам». Пошли, Лайл.

Танцуя с дядей Джорджем, подумала Карлайл, надо держать ухо востро. У него было прекрасное чувство ритма и безмерный пыл. Не придерживаясь условностей, он импровизировал фигуры танца по наитию свыше, просто чуть сжимая руку на талии партнерши в указание все новых вариаций и эксцентричностей. Она заметила, что прочие танцующие пары смотрят на них с живостью большей, чем обычно свойственно лицам британских кутил.

– Ты джиттер-буг танцуешь? – спросил его светлость.

– Нет, милый.

– Жаль. Здесь себя считают слишком для него благородными. Тошнотворные снобы в общем и целом. Знаешь, Лайл, я тебе говорил, что серьезно подумываю отказаться от титула?

Он неистово ее крутанул. В дальнем конце зала она мельком увидела кузена с партнершей. Нед находился к ней спиной. Фелиситэ смотрела ему в глаза. Ее рука гладила его плечо. Он наклонил голову.

²⁰ Старомоден (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.